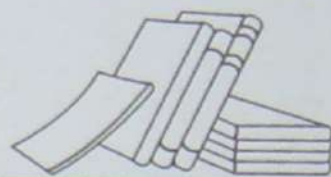
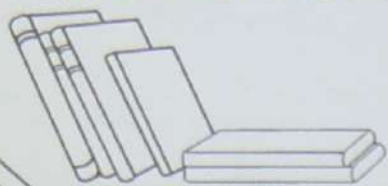

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 12. Медицинская служба

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 12. Медицинская служба

**НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Челябинск 2012г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультанты:

Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,

почетный председатель городского комитета ветеранов войны, военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Королева Раиса Степановна

председатель медицинской комиссии городского совета ветеранов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 12. Медицинская служба / Л.А. Попов – Челябинск, 2012.-56с.

На обложке рис. Художника М.И. Самсонова
Текст дан в авторской редакции.

Подписано в печать 14.12.2012 г. Формат 30х42/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 120 экз.
Заказ № 152

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

Это нашей истории строки

«В годы Великой отечественной войны Советская медицина военная мобилизовала все свои возможности для организации надежного мед. обеспечения Советских Вооруженных Сил. О результатах этих усилий свидетельствует тот факт, что 72,3% всех раненых и 90,6% больных солдат и офицеров возвратились в строй. Благоприятный исход обеспечивался своевременным розыском и выносом раненых с поля боя, доставкой их на этапы мед. эвакуации в ранние сроки, приближением хирургической помощи к переднему краю широким оказанием специализир. мед. обеспечения боевых действий Сов. Армии и ВМФ».

(СВЭ Т.5. М., 1976. С. 227.)

«Высокие результаты в работе Военно-медицинской службы были достигнуты благодаря самоотверженному труду всего мед. персонала Воор. Сил, ок. половины которого составляли женщины. Заслуги военных медиков были высоко оценены Сов. пр-вом:

44 чел. удостоены звания Героя Сов. Союза, св. 116 тыс. награждены орденами и медалями».

(СВЭ Т.2. М., 1976. С.227.)

*Фрагмент Доски Памяти
Павших в боях Великой Отечественной войны
медработников г. Челябинска.*

<i>Агаркова Л.И.</i>	<i>медсестра</i>	<i>Понамарев Л.М.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Алексеева А.П.</i>	<i>медсестра</i>	<i>Мыттус Г.Г.</i>	<i>военврач</i>
<i>Анисимова М.П.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Мясникова А.И.</i>	<i>санинстр.</i>
<i>Арсеньев А.В.</i>	<i>врач-хир.</i>	<i>Нудельштейн А.Н.</i>	<i>военвр.</i>
<i>Баязанова А.М.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Осепенкер Л.А.</i>	<i>мл.фельди.</i>
<i>Белов И.С.</i>	<i>военврач</i>	<i>Павлова М.В.</i>	<i>медсестра</i>
<i>Блинов И.И.</i>	<i>военврач</i>	<i>Пальтбак Н.А.</i>	<i>военврач</i>
<i>Борщанский К.Д.</i>	<i>военврач</i>	<i>Пахомов А.Д.</i>	<i>военврач</i>
<i>Бояринов К.Д.</i>	<i>военврач</i>	<i>Пермяков И.П.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Бурков Н. Ф.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Подлеснова Е.И.</i>	<i>медсестра</i>
<i>Большаков</i>	<i>врач-хир.</i>	<i>Понаморев Н.М.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Васнецов Б.М.</i>	<i>ст.в.врач</i>	<i>Попов В.И.</i>	<i>военврач</i>
<i>Вишневецкий А.Ф.</i>	<i>военврач</i>	<i>Поспелов В.И.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Гальперин С. И.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Приступко В.А.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Герасиков С.С.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Прямоносов Г.А.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Державин В.А.</i>	<i>военврач</i>	<i>Публичук Л.К.</i>	<i>военврач</i>
<i>Дереко В.П.</i>	<i>военврач</i>	<i>Пьянков М.А.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Дмитриев Ю.С.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Пятерский П.С.</i>	<i>военврач</i>
<i>Евдокимова Н.С.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Резник Т.А.</i>	<i>комсорг санвзв.</i>
<i>Земляницина Л.А.</i>	<i>военврач</i>	<i>Роговая А.С.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Зеневич Ю.А.</i>	<i>военврач</i>	<i>Рубинов Л.И.</i>	<i>военврач</i>
<i>Иванова М.М.</i>	<i>санитар.</i>	<i>Рябинин В.А.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Ильина Н.А.</i>	<i>капитан</i>	<i>Савицкий В.С.</i>	<i>военврач</i>
<i>Кандалова Т.И.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Свидлер Л.Я.</i>	<i>военврач</i>
<i>Киреев И.Н.</i>	<i>военврач</i>	<i>Серегин А.И.</i>	<i>военврач</i>
<i>Климов А.К.</i>	<i>военврач</i>	<i>Смагин В.И.</i>	<i>военврач</i>
<i>Клярфельд А.И.</i>	<i>военврач</i>	<i>Стрижак В.Г.</i>	<i>ст.фельдшер</i>
<i>Козловский К.А.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Ходаков А.Н.</i>	<i>военврач</i>
<i>Красавин Ф.П.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Цукалов В.Ф.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Кривошеин И.В.</i>	<i>военврач</i>	<i>Цыганов М.Г.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Крымский В.А.</i>	<i>военврач</i>	<i>Цимбал Г.Ф.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Курбатова Л.К.</i>	<i>ст.фельдшер</i>	<i>Чиркова И.П.</i>	<i>военврач</i>
<i>Ларюхин П.М.</i>	<i>фельдшер</i>	<i>Чудинов И.М.</i>	<i>фельдшер</i>
<i>Маргулис М.О.</i>	<i>военврач</i>	<i>Шукина В.К.</i>	<i>врач</i>
<i>Мендель Л.С.</i>	<i>военврач</i>	<i>Герасимов С.С.</i>	<i>фельдшер</i>

(Из фонда музея истории медицины г. Челябинска)

НАМ ДОРОГИ ЭТИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Шлыков Александр Семенович — потомственный казак, родился 30 августа 1921 года в селе Ключи Еткульского района. Портрет его отца, подхорунжего Оренбургского казачьего войска, участника 1-й мировой войны, кавалера трех Георгиевских крестов, и сейчас висит на почетном месте в его кабинете. «Наш отец, — рассказывал А. С. Шлыков, — был славным воином, землепашцем и отличным плотником. Он погиб в 1938 году, успев передать нам с братом уважение к труду и к военной службе, поэтому, когда в 1940 году после окончания медицинского техникума призвали меня в РККА, я шел на призывной пункт с гордо поднятой головой, с чувством священного долга гражданина Страны Советов перед своим Отечеством. До войны мне пришлось служить на границе Литвы с Восточной Пруссией в саперном взводе стрелкового батальона. Граница там проходила по реке Неман. На берегу реки располагался примитивно оборудованный пограничный пост, а далее, метрах в пятистах от него, размещалась наша воинская часть. Кроме боевой подготовки, мы усиленно занимались строительством оборонительных сооружений, устанавливали заграждения из колючей проволоки, а по воскресеньям ходили в увольнение в близлежащий литовский хутор. И однажды на его центральной площади у костела, во время какого-то религиозного праздника, к нам подошел местный священник (ксендз) в черном одеянии с белым пластмассовым воротничком. Он поинтересовался, какой мы веры, как нам служится и какие новости поступают из центра Союза. Познакомившись, он пригласил нас к себе в гости. Мы побывали у него в доме. Ксендз оказался хорошим пчеловодом, щедро угощал нас медом, и поэтому мы приняли его предложение заходить к нему в гости почаще. Последний раз мы посетили ксендза 8 июня 1941

года. И уже при входе на хутор обратили внимание на то, что многие хуторяне, нагрузив свои телеги домашним скарбом, покидали хутор в восточном направлении. Зашли в дом ксендза, а в нем пусто, все вещи уже уложены в двуколку, стоявшую во дворе.

— Нам возле границы жить становится опасно. Через две недели начнется война с Германией, поэтому мы и уезжаем, — пояснил ксендз.

Возвратившись в часть, мы доложили об этом разговоре командиру роты старшему лейтенанту Курченко, родом из станицы Магнитной.

— Это провокация, не верьте, что будет война, — строго разъяснил нам ротный, а сам быстро пошел к комбату.

Через несколько минут комбат вызывает нас в канцелярию и просит рассказать о том, что мы видели и слышали на хуторе. Мы повторили доклад, сделанный командиру роты. Комбат внимательно выслушал нас и говорит:

— Это провокация, не верьте, что будет война, — а сам заспешил с докладом к вышестоящему командиру.

Вечером нас построили, выдали двойной комплект патронов и гранат. Выставили усиленные наряды. Две недели мы пребывали в тревожном ожидании начала войны. 21 июня легли спать, не раздеваясь. Оружие, боезапас, сумки с гранатами находились рядом с кроватями. Я спал плохо. Ночью услышал гул летящих самолетов. Часа в 4 утра раздались первые выстрелы. Появился старшина роты и объявил тревогу. Мы выбежали на улицу и под начавшимся минометным обстрелом помчались в заранее подготовленные окопы и доты. С противоположной стороны реки доносились звуки работающих двигателей машин и были слышны крики на незнакомом языке. Мы, минеры, выдвинулись вперед и установили противопехотные мины на дороге, спускающейся к Неману. Вернулись в окоп и приготвились к бою. Вскоре из тени противоположного берега реки, покрытой легким туманом, одновременно показалось множество понтонов и плавсредств с войсками оккупантов. Когда они достигли середины реки, видимость стала хорошей, раздалась команда: «Огонь!». Наша оборона разразилась треском винтовочных выстрелов и пулеметных очередей, а из тыла ударила артиллерия. Немцы на понтонах были хорошей мишенью. Кто-то из оккупантов падал в воду, кто-то пытался плыть. Разрывы снарядов поднимали вверх многотонные массы воды. Поверхность реки покры-

лась следами падающих осколков. От прямых попаданий снарядов плавсредства разлетались в щепки. Вниз по реке поплыли доски, обломки и непонятные предметы. Встретив такой отпор, враг прекратил форсирование реки. Уцелевшие его плавсредства вернулись восвояси. Потом немцы еще два раза пытались форсировать Неман, но оба раза были вынуждены отступить. После чего с противоположного берега реки они усилили обстрел береговых позиций и тыловых объектов минометами и артиллерией разных калибров. Наш укрепрайон, занимавший 32 километра границы, держался стойко более десяти дней, пока не появились в тылу немецкие танки и поступил приказ прорываться из окружения. Вероятно потому, что в укрепрайоне находилось много войск, а кольцо окружения было недостаточно плотным, а также потому, что нам хорошо помогали авиация и танки, мы вышли из окружения с небольшими потерями. И продолжали с боями отступать на восток, минировав за собой мосты и дороги.

На подступах к Риге стрелковые части завязали бой за высоту. Нам, саперам, приказали заминировать дорогу. Мы вчетвером, прикрываясь за каждый бугорок, за каждый кустик, ползком достигли указанного участка дороги и поставили шесть мин. Стали отходить обратно. Вдруг подползает к нам командир роты и говорит: «Ребята, нужно взорвать мост». Мы незамеченными проникли к мосту, привязали фугас к металлической ферме, распустили бикфордов шнур и ушли в укрытие. Прогремел взрыв, мост через реку перестал существовать. Выполнив задание, двинулись в обратный путь, но были обнаружены и обстреляны противником. Я почувствовал сильный удар в колено, после чего моя левая нога перестала слушаться. Выбравшись из-под обстрела, обнаружили, что среди нас нет командира роты, он остался лежать на возвышенности. Убит он или жив – определить было невозможно. Я, наскоро перевязав свою рану, пополз на помощь командиру. Окликнул его, он отозвался.

— Можешь двигаться? — спрашиваю его.

— Нет, не могу, — отвечает он.

Я подполз к командиру ближе, перетянул его прострелянную ногу ремнем. Рану в живот перевязать было нечем. Перевалил раненого на плащ-палатку и ползком волоком потащил его к своим. Нас встретили медики и на повозке переправили вначале в медсанбат, а потом в госпиталь.

После лечения в госпитале я в свою часть уже не вернулся. Меня направили в роту выздоравливающих бойцов в город Ногино. Москву в то время уже бомбили, а близлежащие к Москве районы обстреливала вражеская артиллерия. В начале ноября с нами почему-то стали усиленно заниматься строевой подготовкой. А 6 ноября вечером сообщили, что завтра едем в Москву для участия в параде. Мы растерялись, какой парад? Москву бомбят! Если немцы узнают о параде, наверняка будут бомбить Красную площадь. И тогда нам не сдобровать. Никто из нас тогда не знал, что войска ПВО, истребительная авиация Москвы были заблаговременно усилены и приведены к повышенной боевой готовности. А на случай, если бы бомбардировка Красной площади все же состоялась, было предусмотрено убитых и раненых быстро убирать, но парад завершить, киносъёмку парада размножить и разослать по всей стране. Когда мы на новеньких отечественных грузовиках марки ЗИС подъезжали к Москве, повалил крупными хлопьями снег. Подул ветер, и началась настоящая пурга. Город покрылся белой пеленой. Погода усугублялась явно нелетная. И от этого всем стало на душе спокойнее.

Колонны войск для парада строились на Манежной площади у Исторического музея. Парад начался на два часа раньше обычного, в 8 часов утра. Маршал С. М. Буденный принял рапорт командующего парадом генерал-лейтенанта П. А. Артемьева. Вместе с ним объехал войска, поздравляя бойцов с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. В ответ над седыми стенами Кремля катилось дружное «ура», громкое, воинственное, клятвенное. Перед участниками парада выступил с речью Верховный главнокомандующий И. В. Сталин. Грянул духовой оркестр и начался торжественный марш. С глубоким волнением и гордостью мы вступали на Красную площадь, где каждый камень пропитан великой историей великого народа. Я шагал в первой шеренге во втором ряду от Мавзолея В. И. Ленина. Конечно мне хотелось рассмотреть всех стоящих на трибуне, но главное было держать равнение. И я отчетливо видел лишь И. В. Сталина.

Много лет спустя, после войны, я, окончив Челябинский государственный медицинский институт, работал в городе Коркино. Как-то приходит мой сын с улицы возбужденным и говорит: «Папа, я тебя сегодня в кино видел!». В кинотеатрах тогда начался показ кинофильма «Великая Отечественная», в котором режиссер исполь-

зовал кадры кинохроники, в том числе парада 7 ноября 1941 года. Я тоже посмотрел этот фильм. Зашел в будку к киномеханику. Он вырезал три кадра из фильма и подарил мне. Потом я эти кадры видел в журнале «Огонек» и в газете «Известия». А в дни празднования 60-летия обороны Москвы я побывал с делегацией челябинских ветеранов в столице и там каждому из нас вручили видеокассеты с полной записью парада. Теперь эта кассета является для меня самой дорогой реликвией».

Закончив рассказ, Александр Семенович многозначительно посмотрел на портрет своего отца и табель-календарь 2004 года, висевшие на стене. До 59-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне оставалось ровно две недели. Начав войну 22 июня 1941 года рядовым бойцом-минером, он завершил ее на территории Германии старшим лейтенантом медицинской службы. 24 июня 1945 года в составе сводного полка 3-го Белорусского фронта участвовал в параде Победы на Красной площади в Москве. Окончив военную службу, он вернулся на родину и посвятил свою дальнейшую жизнь медицине. На протяжении 23 лет до выхода на пенсию работал главным хирургом области. Принимал участие в работе международных конгрессов врачей-хирургов в Дрездене, Москве, Ленинграде. Опубликовал 27 работ по научно-практическому здравоохранению. К его фронтовым наградам — орденам Отечественной войны, Красной Звезды и двум медалям «За отвагу» — добавились ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и другие.

Ныне полковник медицинской службы в отставке А. С. Шлыков является членом Челябинского городского комитета ветеранов войны и военной службы, часто встречается с молодежью. Его имя занесено в Книгу почета городского совета ветеранов.

ВОЕНВРАЧ

Добрым словом вспоминаем мы, ветераны, систему здравоохранения, которая существовала в Челябинске в годы советской власти, и сожалеем об ее утрате в ходе так называемых реформ 90-х годов. Эта система была создана для людей и всему миру демонс-

трировала торжество бесплатной медицины. Формировали эту систему выпускники отечественных вузов. Среди многих из них является ныне здравствующая бывшая главный врач поликлиники №1 Центрального района Челябинска, участница Великой Отечественной войны, кавалер орденов Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны и многих медалей, Тяжкун Любовь Лукинична. Родилась она 23 июля 1921 года в утопающем в зелени селении Майское Омской области. Вместе со всеми сельскими ребятами она радовалась жизнью, бегала босиком по необычайно мягкой деревенской траве, купалась в озере и мечтала стать инженером молочной продукции. Но в год окончания десятого класса набор в технологический институт не производился, и она поступила учиться в Омский медицинский институт. А когда при прохождении студенческой практики увидела, как студенты в морге работают с трупами, сбежала из института. Но за ней приехали педагоги вуза, объяснили, что нет на земле профессии благороднее и почетнее, чем профессия врача. А чувство, которое испытывает врач, вызволяя больного человека почти с того света, ни с чем невозможно сравнить. И Л.П.Тяжкун возвратилась в учебную аудиторию. В 1943 году среди 150 выпускников мединститута она отбыла на фронт.

«4 июля 1943 года,- вспоминала она,- наш эшелон прибыл на станцию Отрешково, расположенную километров в 20 от города Курска. Указатель станции сохранялся, но самой станции не существовало, от нее оставались лишь жалкие развалины, сгоревшие строения, разбитые паровозы и вагоны. Нас построили, сделали

перекличку. Прибыл главный хирург фронта и объявил: «Мне нужно десять хирургов мужчин». А у нас мужчин оказалось только девять, все остальные – женщины. Я попала в мужскую десятку. На грузовике нас доставили в район колхозной МТС, где на окраине леса, прямо под открытым небом размещались раненые. Их было так много, что меня охватил страх. Мы в ускоренном темпе устанавливали палатки и переносили в них раненых. Возле леса сохранился амбар, в котором когда-то складировалось зерно. Теперь же в нем тоже размещались раненые. Здесь же в амбаре делались хирургические операции. В этом амбаре и мне пришлось оказывать первую помощь раненым бойцам.

Я начинала свою деятельность военврача в звании рядового солдата. Ко мне прикрепили опытную операционную сестру. Узнав, что я призвана на фронт прямо с институтской скамьи, она дружелюбно сказала: «Не стесняйтесь, спрашивайте меня, я вам подскажу». При проведении первых операций она указывала мне: «Вот здесь режь, вот тут шей...» И я быстро освоилась. В госпитале существовали строгие правила для хирургов, ампутировал ногу – сдай ее, иначе ногу утащат крысы. Одновременно предписывалось врачам следить за тем, чтобы крысы не укусили раненых. После принятия присяги мне присвоили звание старшего лейтенанта медицинской службы. Выдали командирское обмундирование, портупею, полевую сумку и пистолет с боку.

Когда над расположением госпиталя пролетали советские самолеты, весело и радостно становилось на душе. Немецкие самолеты тяжелые, надсадный гул их моторов наводил на мрачные раз-

мышления. После каждого боя поток раненых увеличивался. Кто-то из них полз к нам самостоятельно, кого-то несли на руках. Мы хирурги работали, потеряв счет и дням, и ночам. Ночью светильником у нас являлась гильза от снаряда, заряженная паклей и соляжкой. Однажды во время операции, когда от усталости у меня ноги сами собой подгибались, начмед сказал мне:

— Тяжкун, я даю тебе один час поспать, потому, что вижу, ты еле, еле на ногах стоишь.

Я вышла из палатки. Вдохнула свежего воздуха, упала прямо у входа в палатку и уснула. Дежурный закрыл меня своей шинелью. Через час меня хватились: «Где Тяжкун? В палатках ее нет. Раненые поступают, а хирург отсутствует. Стали искать.

— Тяжкун здесь проходила? – спрашивают дежурного.

— Так вот она, вышла, упала и спит.

— Ну, пусть еще два часа поспит,- распорядился после краткого раздумья начмед и ушел.

Здесь под, Курском, поступил к нам раненый боец, не знаю, кто он был по национальности. Он умоляюще смотрел на нас и просил: « Спасите меня. У меня дома много баранчук (детей)». У него было ранение в живот, перебит кишечник. Мы сделали все как положено и сказали раненому: «Будешь жить». Знали бы вы, с какой благодарностью он смотрел на меня, а в глазах его блестели слезы радости. И мне вновь вспомнились слова моего институтского учителя: «Нет на свете благороднее профессии, чем профессия врача».

В начале ноября 1943 года наш фронтовой госпиталь №1679 базировался в Дарнице, на берегу Днепра. На противоположном берегу в Киеве шли бои. Поступила команда: «Врачей-хирургов десантировать на противоположный берег, так как там скопилось много раненых. Я попала в число десанта, то что я не умею плавать во внимание не принималось. Глубокой ночью мы заняли место в шлюпке. Вода в Днепре буквально кипела от града осколков и пуль. Над переправой стоял гул, треск, вой. Немецкие самолеты один за другим сбрасывали свой смертоносный груз на десантные плоты и понтоны. Их пулеметные очереди трассирующих пуль прорезали ночную мглу и гасли в почерневших в ночи водах Днепра. Наш гребец изо всех сил налегал на весла, стремясь быстрее проскочить к берегу. Мимо нашей шлюпки проплыли фрагменты разбитого понтона. И вдруг нашу шлюпку сильно накренив бросило в сторону и огромная масса воды, поднятая вверх взрывом, накрыла нас с головой. Я оказалась в воде, барахталась изо всех сил, схватилась за проплывавшую какую-то доску и вместе с ней пошла на дно. Думала, что это конец. Но чувствую, что кто-то схватил меня за волосы и тянет на поверхность. Солдаты вытащили меня в другую лодку. Сапоги мои ушли на дно реки, и я уже не помню, как мы достигли берега. На берегу меня переодели в сухую робу, нашли где-то старые сапоги, принесли полкружки спирта, говорят:

— Пей!

— Я не пью, отвечаю им.

В меня насильно влили спирт, дали один час поспать. И я вновь под высоким берегом Днепра, прямо под открытым небом продолжила делать операции, помогать бойцам бороться за жизнь.

6 ноября захватчиков изгнали из Киева. Наш госпиталь разместился в чудом сохранившемся здании высшей партийной школы и у нас появились условия для работы близкие к норме.

Однажды в перерыве между боями мне перед строем объявили, что за спасение тяжело раненых красноармейцев я награждена орденом Красной Звезды. Награды вручали генералы из штаба фронта в сохранившемся помещении разбитого клуба, который окружали сплошные развалины, закопченные остатки сгоревших стен жилых зданий. Награжденных медиков вызывали по списку, составленному госпиталями. Я ждала своей очереди. И вдруг, слышу, вызывают для награждения Петренко Тамару Васильевну, с которой я училась в Омском мединституте. Я бросилась к трибуне с криком:

— Так это моя подружка!

— Кто это кричит? – раздался генеральский окрик.

— Я, Тяжкун, это моя подружка.

Генералы сделали отступление и вручили мне орден Красной Звезды без очереди. А потом объявили: «Начальникам госпиталей предоставить Петренко и Тяжкун отпуск до трех суток». Мы обрадовались, почувствовали себя на седьмом небе. Вышли на улицу. Над развалинами ярко сияло осеннее солнце, и развалины уже не казались нам такими мрачными. Но слышим, по громкоговорителю звучит объявление: «Хирург Петренко будьте готовы, за вами вышла автомашина». И наш отпуск закончился не начавшись. Мы креп-

ко обнялись, расцеловали друг друга и встретились следующий раз только после Победы.

В 1944 году мы участвовали в похоронах командующего 1-м Украинским фронтом Н.Ф. Ватутина. Он умер от множества ран. Его везли на артиллерийском лафете через развалины разбитого киевского Крещатика и похоронили со всеми воинскими почестями. Сейчас в центре Киева на берегу Днепра стоит ему величественный памятник. Вскоре был получен приказ о передислокации нашего госпиталя в Польшу. В пути на подходе к Львову наш эшелон вновь разбомбили немецкие самолеты. Мы прятались от бомб кто, где мог. Я, выполняя заветы моего отца: «Доченька, при бомбежке прячься за колеса железнодорожного вагона». Спрятавшись под вагоном между рельс, когда земля от взрывов бомб дрожала как живая, у меня порой появлялось желание зубами вгрызться в землю.

На восстановление железнодорожного пути после бомбежки требовалось время, поэтому нам дали 40 минут для отдыха. И мы несколько девчат медиков решили рискнуть, прогуляться по городу. Улочки в Львове оказались узкими, красивыми. Мы увидели надписи на украинском языке Лазня. «Это баня», - пояснила знающая украинский язык Катя. А рядом Пэрукарня – это парикмахерская.

— Давайте зайдем, может быть нам удастся принять баню, - предложила решительная Катя.

Банщицы встретили нас приветливо. Забрали нашу одежду, дали воды столько, сколько мы пожелали. Мы выкупались. Банщицы принесли нам одежду прожаренную и разутюженную.

— Сколько мы вам должны? – спросила я.

— Что вы, что вы нисколько, ведь вы наши защитники.

В Пэрукарне нам сделали бесплатно прически. И мы идем по улице сияющие. Пилотки не одеваем, чтобы не испортить прически. А навстречу нам идут несколько офицеров из комендатуры с белыми погонами, мы их называли тыловыми крысами.

— Почему без головного убора? – строго спросил старший из них.

— Мы прически бережем.

— Следуйте с нами на плац!

Тое есть нас забрали в комендатуру как нарушителей формы одежды.

— А я вам свой пистолет не отдам,- заявила я.

— Все отдашь,- грубо ответил белопогонник.

Но подошел полковник.

— Извините, товарищ полковник, что мы не приветствуем вас по уставу, потому, что боимся испортить прически. Мы хотели явиться в свой эшелон в таком виде, но нас задержали. 40 минут, которые нам дали, истекли и эшелон, вероятно, уже ушел,- доложила Катя.

— Нет, не ушел, стоянку его продлили,- ответил полковник и дал нам свою автомашину, на которой мы прибыли к эшелону.

А там все захохали и заохали: «Девчата, да какие вы красивые!»

Подошел паровоз. Толкнул вагоны. Окутался паром. Подал короткий гудок. И вновь замелькали навстречу нам разрушенные селения, покрытые, словно оспой выбоины от пулеметных и автоматных очередей кирпичные стены пристанционных строений, изрытая воронками земля, изрубленные осколками деревья. Наш эшелон мчал на запад.

Из Львова мы прибыли в Польский город Легница, где разместили нас по разным домишкам. При первых же встречах с поляками у меня сложилось впечатление, что они не очень гостеприимные, а порой просто вредные. Некоторое время поляки работали у нас в госпитале санитарями, зарекомендовали себя чистюлями, но за ними присматривали на всякий случай, кабы они чего не сотворили.

Вскоре пришел приказ ехать всем медикам в только что освобожденный лагерь для советских военнопленных и помочь вынести из этого лагеря ослабленных, почти умирающих узников. Я выносила на руках мужчину. По весу он был как цыпленок. Все время стонал и твердил: «Ох, как я жрать хочу». Мы оказали ему помощь, покормили.

Узник этот оказался профессором уфимского мединститута. Немного окрепнув он благодарил нас: «Вы молодцы, правильно сделали, что не накормили меня сразу досыта, я бы тогда не выжил».

В последний год войны в нашем госпитале стали практиковать медицинские автоотряды, то есть мы не ждали, когда нам привезут раненых, а сами ехали на передовую, оказывали там первую помощь бойцам, а обратно везли с собой тяжело раненых. И вот од-

нажды наш студобеккер быстро бежал по германской дороге. И вдруг мы увидели немецкий самолет. Рассчитывая, что за одним автомобилем самолет гоняться не будет, водитель развил предельную скорость. И на одном из поворотов нас так тряхнуло, что мы выпали из кузова. Хорошо, что была сырая погода, и мы упали в жидкую грязь. Я очнулась в освобожденном советскими войсками немецком селении. У меня был перелом ноги. Немцы – жители села, относились к нам с подчеркнутой вежливостью. Пришла машина и увезла меня обратно в госпиталь, где и встретила я день Победы. Однажды неожиданно началась сильная пальба. Раненые повыскакивали на улицу. Я подумала:

— Неужели немцы вернулись?

— Да, нет, это война закончилась,- пояснили мне.

О том, что мы видели на фронте рассказать можно, а вот то, что нам пришлось пережить, перенести и прочувствовать на фронте передать невозможно. Я вот повспоминала о войне, рассказывая вам, теперь всю ночь спать не буду». Этими словами закончила рассказ Тяжкун Любовь Лукинична.

Возвратившись с фронта, она 32 года работала в системе здравоохранения Челябинска, а потом еще 20 лет возглавляла медицинскую комиссию городского совета ветеранов. В настоящее время она пребывает на пенсии. С возрастом и у заслуженных врачей начинаются проблемы со здоровьем. Для передвижения ей потребовалась инвалидная коляска. И как не редко бывает в наше время, в соцзащите ей пообещали помочь в приобретении коляски, но обещание выполнить всегда что-то мешает. Любовь Лукинична и в

этом случае не унывает. Она, проявив солдатскую находчивость, использует вместо коляски канцелярский стул на колесиках и передвигается на нем по квартире. Вот только на улицу на этом стуле не выехать.

Недавно ее посетили активисты медицинской комиссии городского совета ветеранов Р.С. Королева и Л.А. Спивакова. Вместе они повспоминали о былых добрых временах, обсудили трудности современной медицины. И пришли к выводу, что после дождя всегда сияет солнце, а после подъема в гору всегда спуск бывает, будет и на нашей улице праздник.

БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

До войны Александр Владимирович Беринцев жил в Копейске. Там окончил ремесленное училище и работал в шахте, добывал уголь из-под земли с глубины 111 метров. В воскресенье, 22 июня 1941 года, прогуливаясь по городскому парку, он и его друг Борис Колесов услышали по радио выступление В. М. Молотова, оповестившего о нападении фашистской Германии на СССР. От такого известия, словно земля качнулась под ногами у друзей-шахтеров. Испытывая большую тревогу и личную ответственность за будущее своей Родины, они здесь же, в парке, договорились без промедления идти на фронт добровольцами. После третьего по счету обращения в военкомат их направили учиться в эвакуированное в Свердловске Киевское военно-медицинское училище.

«В училище нас сразу взяли в оборот, — рассказывал А. В. Беринцев. — Учились по сокращенной программе. Занятия длились по 14 часов в сутки. Кроме освоения медицинских дисциплин, мы занимались строевой, огневой и общефизической подготовкой, осваивали приемы рукопашного боя, тренировались перевязывать раненых на тридцатиградусном морозе. И все это вскоре пригодилось в деле.

На фронт я прибыл в октябре под Сталинград и стал свидетелем жутких и страшных событий. На земле повсюду шли непрерывные бои, в воздухе господствовали немецкие самолеты. Однажды ординарец нашего комбата Саша Бурхаметдинов бежал по заснеженному полю с донесением. Немецкий самолет настиг его, снизился, чуть ли не до самой земли и на бреющем полете, летчик из кабины палил в Сашу из пистолета. Не попал. Это была сверхнаглость. Помню, как при первой бомбежке, не зная куда спрятаться, я залез под полуторку, закрыл голову руками и думал: «Ну все, прощай, Родина». Подбежавший комбат Н. Теркин пнул меня под зад и прокричал: «Ты что делаешь? Машина же загорится. Следуй за мной!» И в этот момент, увидев спокойное лицо своего комбата, страх у меня сразу же пропал. Я увидел солдата с оторванной ногой. Он был в шоке. Оказал ему помощь. Вижу: другой солдат лежит на боку, рядом, на земле, его внутренности, вывалившиеся из разорванного живота. Он протягивал ко мне руку и умолял: «Браток, помоги». Перевязывая ему раны, я знал, что жить-то ему остались минуты, но все равно перевязывал.

23 января 1943 года южнее Сталинграда мы отступали, не убежали, а отстреливаясь отходили. На нас шли танки и пехота противника. А наши танки стояли без горючего. В бою мне, офицеру, пришлось самому оказывать помощь раненым. В сплошном треске и грохоте я не слышал вражеского выстрела. Сильный удар отбросил меня на землю. Когда пришел в сознание, то увидел, что танки и пехота противника прошли наш рубеж и удаляются далее. Думаю, надо перевязать рану. Открыл санитарную сумку, а она пустая. Крови потерял много. Поэтому вскоре уже не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Слышу, кто-то подошел.

— Живой? — спрашивает.

— Убитый, — отвечают ему.

— Нет, дышит, — послышался женский голос.

Меня уложили на санки лицом вверх. Я все видел, слышал, а что-либо сказать не мог. Мне тогда казалось, что это были старик и старуха. Мои спасители везли меня и разговаривали между собой: «Ах, как хорошо, что Господь опять спас нас. Снаряд в щепки разбил наш дом, а мы в это время в нем отсутствовали. Слава тебе, Господи!»

В каком-то селении меня перегрузили в полуторку, доставили в г. Красноармейск и поместили в санчасть, положив на солому. В

соседней комнате проводили операции. Ожидая своей очереди, я заметил, что уносят в операционную нормальных людей, а обратно выносят или без ноги, или без руки. Сомнений не было, медики спешат. Ампутировать-то конечность легче, чем делать полноценную операцию, и они штампуют инвалидов войны. Мне тоже собралось ампутировать ногу, уже обработали ее йодом. В это время вошел раненый, опираясь на ухват и палку. Он сел на стул, а палку поставил рядом со мной. Я взял эту палку да как ею по спине главного хирурга врежу, весь медперсонал тут же повыскакивал из операционной. Потом в дверь заглянула медсестра, посмотрела на меня и крикнула: «Маня, айда сюда!» Меня положили на носилки, отвезли в Кузнецк и там сделали нормальную операцию. Выписали из госпиталя инвалидом. Но я инвалидность не признал. Выпросился на фронт. И совершенно случайно попал в свою 11-ю гвардейскую механизированную бригаду».

На пути к Берлину А. В. Беринцев был еще дважды ранен и контужен. Ему, старшему лейтенанту медицинской службы, приходилось участвовать в рукопашных схватках, заменять погибших строевых командиров и водить бойцов в атаку. День Победы он встретил в Чехословакии.

«В 1946 году возвратился я в Копейск, — продолжал рассказ А. В. Беринцев. — Пошел в военкомат сниматься с учета, а мне там говорят: «Ваше личное дело передано в УВД. Вам придется сменить погоны и возглавить медсанчасть лагеря строгого режима в Читинской области». Лагерь этот располагался в глухой тайге. В нем содержались особо опасные преступники, в основном осужденные за убийство на 25-летний срок и получившие к этому сроку еще 25 лет за повторное убийство уже во время пребывания в лагере. Как-то один майор зашел в их расположение без сопровождения. Они сбили его с ног, заиграла гармошка, и зэки стали танцевать на нем. Затоптали до смерти и затолкали под нары. Когда прибывший наряд стал выяснять что и как, все дружно отвечали: «Да, он пришел, но не знаем зачем он залез под нары». Вот с такой категорией пациентов мне пришлось работать. Хорошо помню свой первый прием в лагерной медсанчасти. Очередь выстроилась большая. Заходит первый и с гонором на меня: «Ну что, падла, сидишь?» Выхожу из-за стола ему навстречу. Спрашиваю: «На что жалуетесь? Что болит?» А сам выбираю на всякий случай позицию для защиты. Он поднимает рубаху, а там у него торчат два

заостренных металлических штыря, и двигается на меня. Я не долго думая, своим коронным приемом «боковым правой» изо всей силы наношу ему удар в подбородок. Он отлетает к двери, дверь открывается, и он вываливается наружу. Возвращаюсь на свое место. Приглашаю войти следующего пациента. Никто не заходит. Отворяю дверь, а за дверью никого нет, очередь исчезла. Расчет был прост, запугать новичка-доктора и заставить его выписать освобождение от работы. Прослужил я в этой должности до 1956 года и каждый день, уходя на службу, не знал вернусь домой живым или нет».

Уволившись в запас, А. В. Беринцев приехал в Челябинск. Работал на различных предприятиях города. Строил и возглавлял ресторан «Охотничий». В 1983 году вышел на пенсию. В 2003 году ему исполнилось 80 лет. К своему любимому спортивному снаряду — двухпудовой гире — он стал подходить редко. Но восьмикilограммовые гантели у него, как и раньше, были в почете. Ежедневно он проделывал с ними силовые упражнения, завершая спортивное занятие работой на велотренажере и обливанием холодной водой, следуя наставлениям о здоровом образе жизни, освоенном им еще в период обучения в военно-медицинском училище. И до конца жизни придерживался принципа, которому был верен всю жизнь, — «Будь самим собой. Не ври. Если не можешь — не обещай». К этому он призывал своих детей, этому он учит своих внуков и правнуков.

БОЕВАЯ ПОДРУГА

Нина Васильевна Павлова родилась 10 ноября 1924 года в Крыму. Любила бывать у моря, слушать шум морского прибоя, наблюдать вечерние закаты, провожать уходящее за горизонт солнце и с детства мечтала стать врачом, чтобы приходить на помощь людям в трудную минуту. В 1941 году она успешно окончила три курса Симферопольского медицинского техникума. Но дальше учиться ей не пришлось. Фашистская Германия напала на СССР, и началась война.

Н. В. Павлова приехала в Челябинск к тете. Поступила учиться в ремесленное училище № 2 ЧТЗ. Получив профессию шлифовщика, работала в цехе по изготовлению снарядов для фронта. А потом обратилась в комитет общества Красного Креста и Красного

Полумесяца с просьбой принять у нее экзамены на пригодность работать медсестрой и направить на фронт. Члены экзаменационной комиссии, выслушав ее ответ, вынесли такое решение: «Если бы была отметка “шесть”, мы поставили бы ее Павловой с плюсом, а вот о фронте можно будет говорить только при достижении восемнадцатилетнего возраста». Но в марте 1942 года райвоенкомат, учтя ее просьбу, призвал в армию.

После окончания ускоренных курсов в учебном полку Н. В. Павлова служила связистом на Волховском фронте, затем играла в армейском духовом оркестре. И только в 1943 году, когда командованию стало известно, что она имеет квалификацию медсестры, ее направили в отдельный разведывательный лыжный батальон. «Наш батальон, — рассказывала она, — входил в 44-ю дивизию и постоянно использовался для поддержания эстафетной связи “от лыжника к лыжнику”, а также для прорыва в тыл немцев и участия в разведывательных операциях. Когда бойцы шли на задание, мы, медики, сопровождали их. Когда начинался бой и появлялись первые раненые, мы по-пластунски, лыжи елочкой, спешили к ним на помощь. А они все – в полушубках и масхалатах, крови снаружи не видно, понять, что за ранение у бойца, трудно. “Живот, живот”, — стонал молоденький красноармеец. Я подняла ему рубашку, а там сплошное кровавое месиво. Однажды санитары доставили с передовой тяжелораненого и говорят:

— Много крови потерял, до медсанбата его не донесем.

— А какая у него группа крови?

— Вторая.

— И у меня вторая, — сказала я и отдала раненому свою кровь. Может быть, где-то сейчас еще живет мой побратим.

Мое участие в войне завершилось неожиданно. Летом 1944 года я находилась в медицинской палатке. Там, среди различных химикатов и растворов, стояла бутылка с бензином. В нее, по видимому, попала пуля, и бутылка взорвалась. В палатке вспыхнул пожар. Загорелась на мне одежда. Палатка обрушилась и накрыла меня брезентом, что и спасло мне жизнь. Когда разбирали сгоревшую палатку, увидели металлическую пряжку с буквами РУ (Ремесленное училище), которая являлась принадлежностью моего ремня. Вся обгоревшая, я очнулась в госпитале. Были жуткие боли. Чтобы я не ворочалась, меня привязывали к раскладушке полотенцем. А долечивала меня уже в Челябинске бабка ежовым салом».

В Челябинске Нина Васильевна работала в различных медицинских учреждениях. Ее трудовой стаж составил 56 лет. Много добрых дел сделала она людям. Будучи на пенсии, выполняла обязанности секретаря совета ветеранов Уральских лыжных батальонов. В 2000 году возглавила клуб «Боевые подруги», объединяющий женщин – участниц Великой Отечественной войны. В постоянном поиске и работе не заметила, как пролетело время. Накануне 60-летия Победы ветеранов-лыжников осталось в строю всего одиннадцать человек, а самой крепкой из них оказалась Нина Васильевна. Она и взяла на себя обязанности председателя совета. Теперь перед ней стоит непростая задача: кроме выполнения мероприятий, намеченных клубом «Боевые подруги», достойно провести в 2005 году очередные соревнования по лыжам среди школьников на приз Совета ветеранов Уральских лыжных батальонов. Впервые проведенные 23 февраля 1978 года в честь Дня Советской армии и Военно-морского флота эти соревнования стали традиционными, из областных превратились во всероссийские и ежегодно проводились в районе поселка Шершни, на лыжной трассе, проложенной по местам, где в 1941 году формировались Уральские лыжные батальоны. А еще к 60-летию Победы она спешила обновить музей боевой славы в школе олимпийского резерва № 5. Чтобы сохранить не только память о своих товарищах-лыжниках, но и передать молодежи тот патриотический настрой, чувства преданности и любви к своей Родине, которые были характерны для поколения победителей в Великой Отечественной войне.

30 июля День Военно-Морского Флота

Г.Москва

Редакция газеты «Ветеран

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭСКАДРЫ

Челябинскому педагогу Тамаре Константиновне Никифоровой в 70-е годы поручили руководить 5 «б» классом, считавшимся наиболее трудным в школе № 10; одних неуспевающих в нем значилось 13 человек. В начале ребята проявили равнодушие к новой учительнице, но, узнав, что она в 1941 году добровольцем ушла на фронт и служила санинструктором дивизиона сторожевых кораблей на Черном море, стали слушать ее затаив дыхание. А Тамара Константиновна вместо обычных нравоучений и призывов не хулиганить и хорошо учиться предложила ребятам создать клуб «Юнга» и жить по законам морского братства. Всем ребятам сшили морскую форму и договорились помогать друг другу, всегда говорить только правду, а в случае получения двойки снимать матросский воротничок и не надевать его до исправления плохой отметки.

Прошло немного времени, и ребят словно подменили. Класс достиг стопроцентного уровня успеваемости, чему удивлялись педагоги, удивлялись родители. А в морской 5 «б» класс, составлявший пионерский отряд имени Нахимова, входивший в пионерскую дружину имени подводной лодки «Челябинский комсомолец», раз в неделю приходили из городского совета ветеранов при горкоме ВЛКСМ, и городского райкома ДОСААФ опытные моряки, капитан первого ранга А.В. Апрельков, главстаршина Абабков, П. А. Ударцев и другие. Они обучали ребят морскому делу, знакомили с корабельной службой, помогали познать азбуку Морзе, флажковый семафор, учили вязать морские узлы, а летом проводили шлюпочные занятия. Класс часто посещали моряки-североморцы с подшефной подводной лодки и информировали юнгов о новостях флота. Но самые интересные эпизоды из жизни моряков рассказывала ребятам Тамара Константиновна. Один из ее рассказов, восстановленный по памяти, приводится ниже.

«Освобожденный Севастополь лежал в развалинах. Его жители, пережившие кошмар оккупации, разбирали завалы, расчищали и подметали улицы. Одновременно не менее напряженная работа проводилась в прибрежной полосе моря. Ныряльщики тралили акваторию бухты, освобождая ее от мин, а водолазы с этой же целью спускались под воду. Все, испытывая величайшее волнение, готовились к возвращению кораблей Черноморского флота на свою

главную базу. И лишь волны морского прибоя, как много-много столетий назад, накатывались на песчаный, исконный русский берег, с шумом отступали назад и вновь устремлялись к нему. Чайки по-хозяйски, гордо расправив крылья, пролетали над бухтой, иногда вдруг взмывали вверх, выделяли головокружительные кренделя и кричали, как сумасшедшие.

В указанный день и час люди собирались на берегу у памятника Нахимову, переполняли 6-ю Бастионную улицу, Приморский бульвар, с нетерпением всматривались вдаль. И вот, наконец, на горизонте показалась маленькая точка, она быстро возростала на фоне голубого неба и голубого моря. Вскоре можно было различить мачты кораблей. Это шла Черноморская эскадра. Впереди линкор «Севастополь» под советским военно-морским флагом. За ним шли крейсера «Ворошилов», «Молотов», «Красный Крым» и «Красный Кавказ». А за крейсерами — миноносцы, эсминцы, подлодки, морские охотники, торпедные катера, тральщики и вспомогательные суда флота. Все они выстроились в бухте по рангам перед зданием штаба флота и, встав на якоря, неделю готовились к параду по случаю возвращения эскадры в Севастополь. Моряки приводили в порядок, драили, красили свои детища, старались, вкладывали в работу душу, поэтому в день парада корабли, украшенные флагами расцветивания и электрогирляндами, смотрелись прекрасно. Командующий Черноморским флотом на катере проходил вдоль кораблей. Матросы в парадной форме, стоявшие в стройных шеренгах на палубах, отвечали на приветствие адмирала громким «ура». Играли духовые оркестры, гремели залпы орудийных салютов.

А потом начался парад на суше. В первой колонне шли офицеры флота — участники обороны Севастополя, все в орденах. Меня никто не переубедит в том, что кто-то может пройти на параде лучше тех моряков. Восторг, слезы радости переполняли в тот миг глаза севастопольцев. Завершала парад колонна истинных чернорабочих Черного моря — морских пехотинцев. Впереди ее матрос ростом под два метра нес флаг Военно-Морского Флота — белое полотнище с голубой полосой и звездой с серпом и молотом красного цвета. А как он его нес! С какой гордостью! Какое у него было выражение глаз! На груди блестели награды. Моряки, чеканя шаг, как бы выбивали из мостовой слова: «Моя — земля, моя —

земля». Море цветов летело им под ноги и крики: «Спасибо вам, сыночки!» Тот, кто видел все это, не мог не испытать чувство радости и гордости и навсегда остался патриотом своей земли, своей Родины России.

После парада в Севастополе начались массовые гулянья. На кораблях состоялись банкеты. Вечером почерневшее небо украсили разноцветные россыпи фейерверка. Всюду звучали музыка, песни и стихи.

Сверкают под солнцем широкие дали.
В бою заслужили мы славу свою,
Сказали: вернемся, и слово сдержали.
Встречай, Севастополь, морскую семью.
Счастливый народ выбегает на взморье.
Веселая чайка летит над волной.
Встречай, Севастополь, орлов черноморья,
Навеки прославивших город родной».

Вспоминая о своем 5 «б», Тамара Константиновна с гордостью рассказывает, как в торжественной обстановке у памятника «Орленок» в Челябинске всем ее ребятам вручили знаки «Юный моряк СССР» и «Матрос 3-й категории». После окончания школы три ученика морского класса поступили учиться в техникумы, а все остальные — в высшие учебные заведения.

Она бережно хранит письма и поздравительные открытки своих бывших учеников, рассказывает о неожиданных и трогательных встречах с ними в последующие годы. В ее комнате хранится много морских реликвий: кораллы, раковины, на стене висит картина Айвазовского «Перед бурей», подаренная мужу — флотскому офицеру Георгию Родионовичу, занимавшему должность военпреда на одном из заводов Челябинска. А у окна располагается попугай Рао – это уже реликвия сына Сергея. Сергей учился в 10-й школе, затем окончил Челябинский медицинский институт, работал в Муслюмовском районе, а потом уехал в Новороссийск и стал трудиться судовым врачом на танкере «Гданьск». Однажды в Атлантическом океане на танкере получили сигнал SOS, требовался врач на кубинское судно. Сергей без промедления пошел на помощь, провел в море сложную операцию и спас жизнь моряку. А через месяц, когда «Гданьск» пришвартовался на Кубе, к его трапу подошла толпа людей в

национальных костюмах и попросила разрешение встретиться с доктором Никифоровым. Толпа эта оказалась семьей того самого моряка, которого оперировал Сергей. Кубинцы благодарили советского врача, а затем самый пожилой из них с красивой птицей в руках обратился к нему со словами: «Вот этого попугая зовут Рао, он прожил в нашей семье сто лет. Мы дарим его вам за спасение нашего внука». Теперь Рао уже 130 лет, он почти ослеп. Тамара Константиновна кормит его из рук и ухаживает, как за ребенком.

О другой реликвии сына она вспоминает с содроганием. Показывая чучело детеныша акулы, рассказывает, как Сергей с товарищами во время якорной стоянки отошел от «Гданьска» на шлюпке и нырнул в воду, чтоб достать раковину со дна морского. Вдруг мелькнула зловещая тень, и он увидел огромную акулу, следовавшую вокруг него первый круг. Как ему удалось вынырнуть и оказаться в шлюпке, Сергей помнит плохо. А следом за ним на поверхность всплыл труп морского хищника. Спасло Сергея чудо. Проплывавшие мимо дельфины напали на акулу и распороли ей брюхо. Когда ее подняли на палубу и стали потрошить, то в животе обнаружили детеныша длиной в 63 сантиметра. Чучело его теперь хранится в Челябинске у Никифоровых.

Тамара Константиновна до последних дней своей жизни являлась активным членом челябинского совета ветеранов ВМФ, руководила комиссией по работе с молодежью и была чутким и добрым товарищем.

Л.А. Попов

Выполнил Попов Лев Алексеевич. 454081, Г.Челябинск,
Ул. Грибоедова, 4, кв. 7. Тел. 8-906-868-57-42.

В настоящее время Тамара Константиновна на пенсии, с увлечением занимается садоводством, участвует в работе совета ветеранов ВМФ. «Мы с дедом жизнь не зря прожили, — сказала она в заключение беседы. — У нас замечательные дети и внуки. С приходом так называемых реформаторов они не бросились в торговлю, им чуждо накопительство. Дочь Наташа, окончив десятую школу и

медицинский институт, работает врачом в областной больнице. Внучка Катя, окончившая эту же школу и педагогический институт, стала преподавателем иностранного языка. Внучка Маша окончила школу с медалью и поступила учиться в Медицинскую академию. У сына Сергея тоже двое детей. Дочь Ирина окончила университет, а Сергей Сергеевич — наш пока единственный внук, поступил учиться в Суворовское училище. То есть традиции нашей семьи — служить Родине и служить людям — продолжают. Ну а что касается меня, то я только что возвратилась из госпиталя. Своему лечащему врачу сказала: «Давайте мне любые таблетки, я съем хоть какую гадость, но только чтоб 60-летие Победы я смогла встретить, как полагается, в надлежащей форме».

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Довоенный кинофильм «Вратарь» студент 3-го курса 2-го Киевского медицинского института П. И. Макарон был готов смотреть хоть каждый день. А главного героя этого фильма Антона Кандидова считал своим кумиром. П. И. Макарон увлекался футболом и страстно болел за киевское «Динамо». День 22 июня 1941 года начался для него ожиданием очередной игры динамовцев на открытии нового, только что построенного к Киеву, стадиона имени Хрущева. Но в 8 часов утра неожиданно раздались гудки воздушной тревоги. Люди завозмущались, думали — опять служба ПВХО учение проводит: «Да что это такое, выходной день, а они...». А в это время немецкие самолеты наносили первые бомбовые удары по расположенным на окраине Киева воинским частям. Жители центральных районов столицы советской Украины узнали об этом лишь из экстренного сообщения по радио, которое напрочь перечеркнуло их воскресные планы. Все сразу пришло в движение и жизнь круто изменилась в городе.

Студентов-медиков собрали в институте и походным маршем направили в сторону Харькова. Километров сто прошагали они по пыльной дороге, прежде, чем появились для них транспортные средства. В Харькове студентам выдали соответствующие документы и поручение самостоятельно добираться для продолжения учебы в Челябинск.

В Челябинске Киевский медицинский институт разместился в бывшей школе по улице Коммуны. Здесь проходили теоретические

занятия студентов. Основные же профессиональные знания будущие врачи получали в клиниках и госпиталях города.

В августе 1942 года Петр Ильич Макарон в числе первых ста выпускников института — мужчин — был направлен в Главное санитарное управление, а затем выехал на Калининский фронт, где получил боевое крещение в должности младшего врача артиллерийского полка. Затем командовал санитарной ротой, войну закончил старшим врачом 60-го стрелкового полка 20-й гвардейской стрелковой ордена Суворова II степени Краснознаменной Криворожской дивизии, сформированной в 1940 году на Урале, в Чебаркуле. Как председатель Челябинского совета ветеранов этой дивизии 23 февраля 1999 года он побывал в Кривом Роге на встрече со своими однополчанами. «Где старые фронтовики, — рассказывал Петр Ильич, — с особой теплотой вспоминали нас, медиков. Действительно, медицинская служба всегда находилась рядом с теми, кто попадал в беду. Мне никогда не забыть 17 июля 1943 года, когда немцы хотели сбросить наши подразделения с плацдарма в Северный Донец. В тот день, разбив на опушке леса палатки полкового медпункта, который я к тому времени возглавлял, мы приступили к работе, если только можно нашу деятельность назвать работой. Кругом стоял кромешный ад. На земле — грохот боя. В небе — вой самолетов. И непрерывный поток раненых. За сутки около 500 бойцов получили у нас необходимую помощь, в основном из приданных полку рот штрафного батальона. Крики, стоны, мольба о помощи терзали душу. Лишь один солдат, стиснув зубы, лежал на носилках у входа в палатку и молчал. А оказалось, что он был самым тяжелым, с проникающим ранением в живот. Мы вывели его из шокового состояния и отправили на подошедшей машине в подвижной полковой госпиталь. После этого случая до конца войны я всегда требовал от своих подчиненных тщательной сортировки поступающих раненых с учетом тяжести полученных ими ранений. По итогам боев на Северном Донце мне вручили первую награду — медаль «За боевые заслуги».

Спасая жизнь бойцам, медики, порой, гибли сами. На плацдарме, совсем рядом, в соседнем полку, снаряд попал в перевязочную палатку. Все, кто находился в ней, включая двух врачей, погибли. А однажды, уже в Молдавии, перемещаясь между медпунктами, мы услышали вой летящей мины. Упали на землю. Осколки прошли поверху, но один из них попал мне в бедро. И вот уже

более полувека он находится там. Но я это и за ранение-то не считаю.

...При освобождении Венгрии, в местечке южнее озера Балатон, как-то вызвали меня на командный пункт, который находился в церкви деревни Местенге. А в это время немцы ударили в стык нашей и болгарской дивизиям и прорвались в тыл. Мы оказались в окружении. Видим, по деревне уже идут немецкие танки. Командир полка И. Н. Макуха приказал немедленно всем спуститься в подвал, забаррикадировать вход в него и вызвал огонь артиллерии на себя.

Я начинал службу в артиллерийском полку и знал ходячее выражение артиллеристов «Бей по своим, чтоб немцы боялись». Но то была шутка, а теперь мы испытывали на себе, что значит попасть под удар своих же батарей. Это неприятное состояние. Будто кто-то гигантским молотом бьет по земле. Дрожат массивные стены подвала и кажется вот-вот перекрытие рухнет тебе на голову. От звуков разрывающихся поблизости снарядов притупляется слух, мутнеет сознание, то есть по народному выражению становишься словно оглоушенным.

По воле случая после этого артналета мы остались целыми и невредимыми, продолжили наступление на запад и 9 мая 1945 года в два часа ночи в австрийском городе Грац получили долгожданное известие о победе».

После войны П. И. Макарон продолжал службу в армии, пройдя путь от начальника войскового лазарета до начальника гарнизонного военного госпиталя. Стал заслуженным врачом Туркменской ССР. Награжден многими государственными наградами. В 1972 году, после более двадцати лет службы, в звании подполковника медицинской службы был уволен в отставку по болезни. И приехал в Челябинск, где жили его родители.

Многие преподаватели 2-го Киевского мединститута, который он окончил, в 1944 году вернулись обратно в Киев. А те, кто не уехал, стали родоначальниками нового Челябинского мединститута. Петр Ильич считает его своим, иногда встречается со студентами, рассказывает молодежи о прошедшей войне и передает им, на всякий случай, свой уникальный опыт фронтового врача. Футболом

же он по-прежнему интересуется, но болеет теперь больше за ЦСКА.

САНИНСТРУКТОР

Смолкли последние звуки боя. Враг бежал. Наступило относительное затишье. Вокруг зияли свежие воронки. Дымились развалины кирпичного здания. Откуда-то появился тягач и поволок полуразбитое орудие в сторону. Стонали на носилках подготовленные к отправке раненые. К санинструктору подбежал посыльный, доложил, что в землянке командира лежит раненый в бедро немецкий артиллерист, дает ценные сведения, но его никто не соглашается перевязывать. Девушка-санинструктор взяла свою сумку, спустилась в землянку и перевязала рану поверженному фашисту, оказав ему первую медицинскую помощь. Пленный снял со своего пальца золотое кольцо и протянул его девушке в знак благодарности. «Нет, я не возьму это кольцо, потому что на нем русская кровь», — отказалась она от подарка. Санинструктором этим была гвардии старшина Таисия Алексеевна Шарапова, в 90-х годах активный член Metallургического районного совета ветеранов. На просьбу поделиться воспоминаниями о самых памятных эпизодах фронтовой жизни она, немного подумав, рассказала: «Богатое, зажиточное село Владимировка в Кировоградской области, с добротными крытыми жестью домами, было забито санитарными повозками. Сделав последние приготовления, мы ждали приказ выступить. Лишь в полдень наша колонна двинулась по направлению к линии фронта. Начальник санитарной службы полка пошел пешком, а мне доверил свою лошадь, потому что знал, что я любила ездить верхом. И только мы покинули село, как налетели вражеские самолеты. Они заходили семерками, сбрасывали бомбы и расстреливали колонну из пулеметов. Я пустила свою лошадь вскачь, намереваясь достичь ближайшего леса.

— Они же бьют по тебе, — кричали мне солдаты, — скорее прыгай, прячься в траве.

Среди грохота разрывавшихся бомб я услышала сзади себя треск авиадвигателя быстро приближающегося самолета. Мне показалось, что самолет, снизившись почти до самой земли, преследует именно меня. Еще секунда и будет поздно. Я остановила лошадь,

отбежала в сторону, упала вниз лицом в густую траву и закрыла голову руками. Пулеметная очередь прошла совсем рядом. На меня посыпалась земля. Поблизости разорвалась бомба. В ушах что-то зашумело. Когда самолеты улетели, я выбралась из своего убежища. На поле санитары убрали убитых и раненых. Всюду валялись разбитые повозки и убитые лошади. Как же я теперь буду отчитываться за свою лошадь? — думала я. И вдруг увидела ее совсем рядом. Лошадь стояла на том же самом месте, где я ее оставила, только светло-рыжая масть ее стала немного темнее. Я погладила лошадку рукой и поняла почему она потемнела, лошадь была вся мокрая и ее трясло мелкой, мелкой дрожью. Она смотрела на меня умными доверчивыми глазами и как будто благодарила за то, что я ее своевременно успела покинуть. Немецкий летчик не стал стрелять по лошади без седока и поэтому мы с ней остались живы.

В марте 1943 года накануне форсирования реки Ловать на нашем участке фронта проходили сильные бои. Оборона противника там была сильная и мы несли большие потери. Перед очередным наступлением полковой почтальон рядовой Соловьев принес почту и раздал письма бойцам.

— Сестра, ты только посмотри какой подарок мне жена прислала в конверте, — поделился своей радостью командир расчета ПТР старший сержант Козлов и показал платочек, на котором его жена Мария вышила детскую ножку, детскую ладошку и подпись «Папе от Юры». — Сыну моему исполнился уже один год, — с гордостью пояснил он мне.

— Береги платочек, он будет твоим талисманом, — посоветовала я ему.

Бойцы ушли в наступление. Я осталась для приемки раненых. Бой продолжался весь день. Вечером мне сообщили, что Козлов в бою попал под огнем врага и сгорел, буквально превратившись в головешку. Вместе с ним сгорел платочек и сгорела надежда отца когда-нибудь увидеть своего сына.

Ночью немцы отступили. А утром наша часть двинулась вперед. Мы проходили через вчерашнее поле боя, усыпанное трупами наших бойцов, многих из них я узнавала в лицо. Они шли в атаку, сняв шинели, и теперь лежали вверх лицом. Ветер шевелил их волосы. И почти у каждого на груди блестели ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медали. Сейчас, когда, много лет спустя,

я узнаю, что в бывших советских республиках Прибалтики высаживают из троллейбуса фронтовика только за то, что на груди его советские ордена, у меня перед глазами возникает то поле боя, погибшие бойцы с орденами на груди и я не могу сдержать слезы.

В 1946 году мы с мужем приехали в Челябинск. Я работала в Металлургическом районе заведующей детскими яслями. Мест в то время в яслях не хватало. И я, пользуясь служебным положением, всегда принимала вне очереди детишек у матерей-одиночек, думая, а вдруг это жены тех бойцов, которые остались лежать на поле боя. Это все, что я могла сделать своим погибшим товарищам по оружию».

ВETERAN ПАРТИИ

София Анатольевна Тимофеева после окончания медицинского техникума в 1938 году была призвана на военную службу и направлена для работы в качестве медицинской сестры в военный госпиталь. Во время начавшейся вскоре войны с Финляндией она прошла хорошую школу практической работы с ранеными. В 1941 году госпиталь располагался в Шяуляе. В свободное время сотрудники госпиталя часто посещали дом офицеров, где демонстрировались интереснейшие фильмы, такие как «Цирк», «Большая жизнь», которые хотелось смотреть помногу раз. И в тот жаркий июньский день 1941 года С.А. Тимофеева со своими подругами планировала еще раз посмотреть кинофильм «Семеро смелых». Но в доме офицеров творилось что-то невообразимое. «Война же началась, Германия напала на СССР, сообщили нам,- вспоминала С.А. Тимофеева,- и мы сразу же побежали в госпиталь. Прибежали, а там уже с фронта первую партию раненых привезли, за ней прибыла вторая, а потом еще и еще. Раненых стало столько, что некуда их было ложить. Пришлось устраивать трехъярусные койки, а затем просто размещать раненых на полу, на соломе. Известный в то время специалист по военно-полевой хирургии профессор Бабич обучил нас, хирургических медсестер, без отрыва от госпиталя гипсовой технике. И начался для нас период работы без отдыха и днем, и ночью. После санитарной обработки раненые поступали в палаты. Там мы старались создать для раненых уют, спокойную обстановку, выпускали боевые листки, помогали писать письма на

родину, организовывали концерты, в которых не редко участвовали наши выздоравливающие пациенты. И при этом, мы все были донорами, готовыми в любое время дать свою кровь для спасения раненых бойцов. Никто из нас не ныл, не плакал, не жаловался. Стиснув зубы, мы вкладывали душу в свою работу. Я была гипсовым техником и не помню ни одного случая, чтобы мы кому-то ампутировали ногу или руку. Иногда у раненого до 15 сантиметров кость была раздроблена, мы соединяли, восстанавливали ее. Часто раненые поступали с запущенными ранами. А иногда, сняв повязку, мы обнаруживали на ране червей, наличие которых говорило о том, что рана чистая, черви, как санитары, поедали нагноения, и это облегчало нам работу. При чистой ране кости быстро нарастали. Большинство раненых были оптимистами, они проявляли терпенье, просили: «Милая, сделай лучше». И мы старались. Много хлопот доставляли раненые со снесенной частью черепной коробки. Они отличались повышенной чувствительностью. Например, лежит такой раненый на столе, а за окном или машина заурчит, или кто-то зашумит, раненый вздрагивает, соскакивает со стола и бежит, сам не зная куда. А вот когда мы ему сделаем гипсовую шапочку, он ведет себя уже спокойно.

При приближении немцев наш госпиталь эвакуировался вначале в Псков, затем в Ярославль. А после разгрома немцев под Сталинградом и Курской битвы, когда Красная Армия перешла в наступление и погнала оккупантов на запад. Наш госпиталь тоже стал менять дислокацию, перемещаясь за наступающими частями. Когда мы вошли в Витебск, то город увидели полностью разрушенным, сохранялось лишь здание госбанка, наверху которого большими буквами было написано: «Заминировано». А по улице уныло в колонне брели грязные и оборванные люди. На головах многих из них были женские платки, на ногах что-то вроде обмоток. Это были пленные немцы. Ох, как они не походили на тех вояк, которые напали на СССР в 1941 году. Вид у них был очень плачевным.

При наступлении на запад нам все чаще приходилось оказывать первую медицинскую помощь раненым, попавшим в плен вражеским солдатам и офицерам. Один немецкий унтер-офицер поступил к нам с раздробленным предплечьем, статный высокий, по видимому, спортсмен. А мы – то все восемнадцатилетние девчонки старались спасти, сохранить ему руку. Немец испытывал крайнее

неудобство, ему было стыдно от того, он пришел нас убивать, а мы ему оказываем помощь. Путая русские слова с немецкими, он пытался убедить нас в том, что воевать ему пришлось не по своей воле и что он против этой войны.

Немцы-то разные встречались. Как-то мне сказали: «Отвези 14 раненых немцев в Вышний Волочек, где располагался специализированный госпиталь для пленных». И я поехала. В машине находились только шофер, я и четырнадцать раненых гитлеровцев, которым в нашем госпитале оказали первую помощь. Обстановка в машине мрачная, напряженная. И вдруг немцы запели нашу русскую песню «Катюша». Слова, конечно, коверкали, мелодию же выдерживали правильно. Но пели не все, трое гитлеровцев сидели, молча, и злобно поглядывали на меня исподлобья. Вот сейчас я ни за что не согласилась бы сопровождать такую компанию, а тогда мы же все молодыми были, отчаянными комсомолками.

В Валдае вовремя налета вражеской авиации на наш госпиталь один немецкий самолет был сбит и упал в озеро. Летчика подобрали и приволокли к нам. У него были раздроблены конечности. Одну ногу ему ампутировали. Но он потерял много крови, и чтобы спасти его нужна была кровь первой группы, а ее в наличии не было. И тогда наша врач, еврейка по национальности, отдала ему свою кровь. Раненый выжил, и его поместили в общую палату. А там раненые, зная как фашисты относились к евреям, стали подтрунивать над ним: «Так в тебе же теперь течет еврейская кровь», дразнили они его, смеясь. Это так подействовало на гитлеровца, что он ночью повесился на полотенце. Но мы спасли его и на этот раз. И я впервые тогда узнала, что, оказывая помощь удушенным, петлю на их шее следует ослаблять постепенно, чтобы не допустить резкого прилива крови. Спасли и отправили его в Вышний Волочек.

С тех пор прошло более полувека, но меня и сейчас иногда спрашивают: «Известно, что гитлеровцы варварски относились к нашим пленным, раненых добивали, а у нас для их раненых специальный госпиталь открыли, почему?» А ответ напрашивался сам собой. Потому, что мы, советские люди, были интернационалистами, учились, работали, жили под девизом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», а дружба народов для нас была не пустым звуком. Примечательно, что перед вступлением Красной Армии на территорию Германии в войсках был зачитан приказ И.В.

Сталина, который предостерегал от беззакония, в нем, в частности, говорилось: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». И вот сейчас, когда слышу по радио или телевидению призывы каких-то нелюдей приравнять коммунистов и сталинистов к фашистам я негодую, ведь это сверхбестыдство, и почему им нет должного отпора в этих же средствах массовой информации? Мне кажется, что у многих людей душа пропала. Отношения между людьми стали непонятными. Человечность исчезла. Деньги, всюду деньги стали на первом месте», - этими грустными словами закончила свой рассказ София Анатольевна. Стало необычно тихо в комнате. Все молчали, погруженные в глубокие размышления об услышанном. На стене часы показывали 16 часов 20 минут. На спинке стула висел пиджак С.А. Тимофеевой, украшенный орденом Отечественной войны, многими медалями и знаком «60 лет в Коммунистической партии».

— Да, да я в 1945 году вступила в партию и до сих пор состою в КПРФ, - пояснила С.А. Тимофеева и продолжала. - Цель нашей партии – отмена частной собственности на землю и установление двухуровневой экономики, 60-70 % которой должно составлять общественное производство, а 30-40% - частное. Только при таком соотношении в экономике можно добиться успешного решения всех социальных вопросов и обеспечить непрерывное, наступательное развитие России».

В комнату важно вошел черно-белый кот. Запрыгнул в кресло, улегся поудобнее и уставился на нас своими большими зелеными глазами, не мигая, словно спрашивая: «Все ли вам понятно, что рассказала София Анатольевна, ветеран двух войн, активист Челябинской ветеранской организации, гражданин, патриот и настоящий коммунист?»

Мы погладили кота, поблагодарив его за преданность своей хозяйке, и попрощались с Софией Анатольевной, которой шел уже 88-й год, а до 65-летия Победы оставалось всего 10 месяцев.

НЕБОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ

Один из этапов Московской битвы, «Ржевско-Вяземская операция», была особенно кровопролитной. Гитлер предписал командованию группы армий «Центр» превратить города Ржев, Вязьму, в

укрепрайоны, принять драконовские меры по ужесточению дисциплины и заставить войска с фанатическим упорством оборонять эти города, как опорные пункты для нового наступления на Москву. С этой целью в район Ржева были переброшены 12 дивизий и 4 бригады из Западной Европы, что существенно повлияло на обстановку, складывающуюся на других театрах войны. В частности, было приостановлено наступление немецких войск в Африке, в районе Нила. А войска, скованные на Ржевско-Вязьменском плацдарме, враг не мог использовать на южном и, уже вырисовывавшемся Сталинградском направлениях Советско-Германского фронта.

О подвигах советских воинов в сражениях под Ржевом и Вязьмой, пехотинцев, танкистов, артиллеристов, кавалеристов, летчиков рассказано и написано немало. Но бойцам медицинской службы, вытаскивавшим раненых с поля боя, помогавшим им и возвращавшим их в строй, можно было бы уделить и больше внимание. Так считает челябинка, бывшая военврач стрелкового полка 158 стрелковой дивизии, ныне майор медицинской службы в отставке Анна Ивановна Лаврентьева, кавалер орденов Отечественной войны, Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и других боевых наград, прошагавшая по дорогам войны от Ржева и Вязьмы до Прибалтики. Она обратила на это внимание, и написал для своих внуков и правнуков свои собственные воспоминания под названием «Небоевые эпизоды войны». Некоторые фрагменты из её рукописи приводятся ниже.

«Перед наступлением на укрепленный узел противника в районе деревни Зайцево, наша артиллерия обрабатывала оборону врага около часа. Били пушки разных калибров. Над головами проносились огненные снаряды катюш. А потом поднялась в атаку пехота. Первым пошел на врага взвод автоматчиков, его возглавлял сержант Заика, о котором ходила молва в полку, что он самый бесстрашный и отчаянный командир. В этот день в санроту поступало много раненых. Тяжелое ранение получил и сержант Заика. Он лежал за подбитым танком. Танк прикрывал его от пуль и осколков. А все поле вокруг простреливалось противником. С большим трудом санитарам удалось вытащить его из-под огня. К нам он поступил в бессознательном состоянии. У него была травма головы и осколочное ранение грудной клетки. Мы сделали ему обезболивающий укол и перевязали раны. Взялись за другого раненого.

И вдруг, раненый сержант что-то закричал, показывая рукой в сторону танка, на котором красной краской было написано: «Друзья, бейте злее фрицев!». То есть к Заике вернулось сознание. Но оно оказалось кратковременным. И призыв сержанта бить фрицев оказался последним в его жизни. Он скончался. Это был мой первый раненый боец, которому я уже ничем не могла помочь.

Во время боев мы, медики, работали, как заводные. Санитары Суспичин и Коротких, люди уже немолодые, надежные, зря слов на ветер не бросали, решения принимали самостоятельно. На них можно было положиться, они раненых согреют, вовремя накормят, в сани уложат, укроют и отправят до медсанбата. Шура Гвытьева хрупкая, красивая, белокурая девушка придумала укладывать раненых в ящики из-под снарядов и спускать их с крутого берега к воде, а потом сплавлять вниз по реке Молодой Туд на плотках до медсанбата. Таким образом, она спасла жизнь многим раненым, но сама, вытаскивая раненого с поля боя, Шура подорвалась на mine. Очень жаль, но ей пришлось ампутировать ногу.

Однажды зимой мы разместили перевязочное отделение в землянке, построенной на склоне оврага и принадлежавшей ранее партизанам. Во время обработки раненых неожиданно раздался оглушительный грохот, задрожала земля под ногами. Стало темно, как ночью. Воздух наполнился пылью, землей и мелкими обломками. Нас разметало разные стороны. Все поняли, что это артналет. Когда же пришли в себя, то увидели, что над головой крыши землянки уже нет, а на перевязочном столе лежит санитар Коротких, он своим телом закрыл раненого. В углу землянки зияют два отверстия от снарядов, которые почему-то не взорвались.

Был у нас в стрелковом батальоне фельдшер Чумаченко, лейтенант медицинской службы, худой, высокий, на редкость разговорчивый, неунывающий весельчак, при передислокации он всегда носил за плечами запасы перевязочного материала, вату, химические грелки, металлические шины и приобретенный на фронтовых дорогах самовар, да еще личное оружие. Видя самовар за его спиной, солдаты смеялись над ним: «Куда ты, дядя, собрался?» Но Чумаченко себя в обиду не давал, достойно отшучивался. Самовар же в передовом отряде медико-санитарного подразделения он аккуратно маскировал и готовил в нем кипяток. Бывало, вынесут с поля боя раненого бойца, завьюженного снегом или промокшего от дож-

дя, Чумаченко преподносит ему кружечку горячего чая и при этом сотворяет какую-нибудь шутку, отвлекая раненого от мрачных мыслей. Раненый улыбается в ответ, и на душе у всех становилось легче. В конце войны следы Чумаченко где-то затерялись. Но добрая память о нем и поныне живет в рассказах и воспоминаниях ветеранов прошедшей через пожар войны 158 стрелковой дивизии.

В ноябре-декабре 1942 года, когда под Ржевом между боями установилось кратковременное затишье, ко мне подошел наш начальник аптеки, он же секретарь партийной организации П.А. Девяткин и предложил мне вступить кандидатом в члены ВКП(б). А мне тогда было чуть больше 20 лет. Я никогда не думала о партии. Коммунисты казались мне людьми важными с невероятно большим авторитетом и мне никогда с ними не сравняться. Но через неделю он опять подходит и говорит: «Пиши заявление о приеме кандидатом в члены партии, я даю тебе рекомендацию. Поторопись. Скоро начнутся сильные бои». Я рассуждать не стала и выполнила его просьбу. Для приема в партию меня пригласили в штабную землянку. Там уже находились старшие командиры с начищенными до блеска орденами. В углу стояла включенная радиостанция. Тихо звучала до боли знакомая мелодия из Москвы. Вначале обсудили и приняли в партию статного симпатичного младшего лейтенанта, потом меня кандидатом в партию.

Обратно мы возвращались с младшим лейтенантом вместе по ходам сообщения с приподнятым настроением. Гордость распирала нас обоих от осознания принадлежности к партии Ленина-Сталина. В пути успели познакомиться и много наговорили друг другу комплиментов, вспоминали прекрасное, мирное время. Потом он пошел в расположение своего пулеметного взвода, а я в санроту. Не прошло и часа полтора, как ко мне приносят на носилках этого младшего лейтенанта с тяжелым ранением грудной клетки. Я не смогла определить, было ли это осколочное ранение или от разрывной пули. Оказав первую медицинскую помощь, мы отправили его в госпиталь. И я почувствовал, вдруг, что от меня ушло что-то необыкновенно дорогое.

После взятия Ржева, Вязьмы и Витебска уже во всем чувствовалось превосходство Красной Армии. Дороги были переполнены советской военной техникой, а навстречу нам уныло брели длинные колонны пленных немцев. В один из таких солнечных дней мы с врачом М.М. Мининой верхом на конях проводили санитарную

разведку. После боев полки располагались на новых стоянках и нужно было обеспечить для них санитарные условия: разместить кухни, проверить водоисточники, организовать санитарную обработку. Мы ехали рядом, радовались наступившему затишью, яркому солнцу и то, что остались живы. Наши кони шли шагом по заросшему высокой травой лугу. То там, то здесь в траве белели, голубели и желтели полевые цветы. На мгновенья мы даже забыли, что идет война. И вдруг, перед нами, словно из-под земли, встали стеной немцы, их было много. Конечно же, мы сильно испугались. Но, увидев в руках оккупантов белые тряпки, поняли, что немцы сдаются в плен. По-видимому, они лежали в траве и когда увидели нас на конях, решили, что безопаснее сдать в плен женщинам. Пункт сбора пленных находился рядом».

Войну А.И. Лаврентьева закончила в Либаве. Балтийское море ей показалось плоским, серым и неприветливым. С мужем она приехала в Челябинск, училась на курсах усовершенствования врачей, работала преподавателем медицинского училища, а с 1958 года в течении 20 лет работала в медсанчасти ЧТЗ в должности заместителя главного врача по экспертизе, избиралась секретарем парторганизации, 17 лет была членом РК КПСС. Ее ценили и уважали как мудрого наставника и воспитателя молодежи. В настоящее время она участвует в работе ветеранской организации медсанчасти. А летом проводит время в саду. Но и здесь к ней часто обращаются люди с разными вопросами, в том числе и медицинскими. Анна Ивановна всегда готова оказать им безвозмездную помощь, как врач, фронтовик и настоящий коммунист.

ЗАВЕТНАЯ ШКАТУЛКА

В день своего рождения, 27 июня 2009 года Валентина Кирилловна Бондаренко, растроганная вниманием и поздравлениями своих родных и близких, вспоминала свою далекую молодость.

«Во время Курской битвы мы походным маршем всю ночь шли, догоняя отступающего противника,- рассказывала она.- А утром километров в 30 от Белгорода подошли к какой-то деревне. У крайнего дома стояла старушка. Командир спросил ее:

— Немцы в деревне есть?

— Нет, они вчера вечером ушли - ответила старушка.

И наша колонна двинулась по деревенской улице. А в деревне-то немцы устроили засаду и со всех сторон открыли пулеметный и автоматный огонь. Меня спасло то, что чуть раньше я, увидев колодец, побежала к нему, свернув за угол дома. А услышав грохот начавшегося боя, где ползком, где перебежками добралась до соснового бора, туда же стали поступать раненые. Их было много. Шедший за нашей колонной полк окружил деревню и уничтожил засевших оккупантов. В погребе дома старушки, той что обманула нашего командира, разведчики обнаружили немецкую рацию и гитлеровца, смотревшего на них из погреба глазами загнанного волка. Разведчики столкнули к нему старушку и закидали погреб гранатами.

Когда все стихло, я вызвала лошадей, перевязывала раненых и отправляла их в медсанбат. Но немцы нас не оставили в покое. Слышу, летит в нашу сторону «скрипач» (мина, издающая в полете звуки похожие на скрип). Пролетел мимо. За ним второй летит прямо на нас. Я спрыгнула в окоп к связистам, и получилось так, что закрыла их собою. Мина попала в дерево, и множество осколков ее достались мне.

После лечения в госпитале меня направили служить в артиллерийскую батарею. И я стала осваивать походную жизнь артиллеристов.

Однажды наша батарея занимала позицию на окраине ржаного поля, за которым начинался лес. Неожиданно позвонил командир батареи и сообщил: «На вас вдоль леса идут семь немецких танков». Артиллеристы в считанные секунды приготовились к бою. Вскоре над колосьями ржи показались верхние части танковых башен. Немцы же нас не видели, так как наши орудия были в укрытии и хорошо замаскированными. Артиллеристы сделали первый залп. Немцы открыли огонь из своих пушек, но били они наугад. В ходе кратковременного боя два немецких танка загорелись, остальные пять ушли назад. Были и у нас потери. Один солдат, правда, он сам был, виноват схватил снаряд и выбежал прямо под ствол своего орудия и ему оторвало голову. Хорошо, что пушка выстрелила болванкой, если бы снарядом погибли бы и сами артиллеристы. Парторгу батареи старшему лейтенанту оторвало руку по локоть. Я наложила ему, как положено, жгут, перевязала рану и он сам без сопровождения ушел а медсанбат.

Мы ожидали атаку танков с другой стороны, но она не состоялась...

Освобождая от немецких захватчиков города и села Прибалтики, мы вошли в большое литовское село, забыла его название, и остановились на улице Набережной, так как мост через реку оказался заминированным. Вызвали минеров. Солдаты, воспользовавшись паузой, расположились вдоль берега на отдых. Я вошла в ближайший дом, по-видимому, господский. Хозяев в доме не оказалось. Во дворе у кормушки стояли несколько коров. И я решила подоить одну из них. Расположилась для доения. И вдруг ба-бах и через крышу дома перелетел сапог вместе с чьей-то ногой и плюхнулся рядом со мной. На улице закричали: «Санитара!» Я схватила сумку, выбежала на улицу. Оказалось, что немцы, минировав мост, установили мины с секретом. Наши минеры не сумели заметить хитрость фашистов и мины взорвались. Двух минеров разорвало на куски, а третий был еще жив, пробежав по дороге несколько десятков метров, он упал. Я ему помочь уже ничем не могла.

Двигаясь на запад по выжженной войной земле, мы санитары помогали не только раненым, на нас возлагалась задача следить за санитарным состоянием всех бойцов и командиров. На станции Шауляй вечером мы организовали баню для солдат. А утром стали форсировать Неман. Небольшое количество плавсредств, которыми располагала наша батарея, были заполнены до отказа. И я решила переплыть Неман самостоятельно. Закрепила на спине санитарную сумку и поплыла. На плацдарме увидели меня и спрашивают друг у друга: «Кто это там горбатый плывет?». На противоположном берегу подбегает ко мне капитан и говорит:

— Вас вызывает командир дивизии.

Я подошла к комдиву, доложила, как положено.

— Это вы плыли сейчас через Неман?

— Так точно, я.

— Представить ее к награждению орденом Красной Звезды, дал команду комдив своему помощнику.

Так появился на моей гимнастерке первый орден. А потом добавились к нему медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга»

В Кенигсберге застала нас весть о капитуляции фашистской Германии. Радости не было предела. «Домой! Домой!»- эти слова

были у всех на устах. И я предвкушала уже радость встречи со своими родителями на родимой станции Шумиха.

Но нас построили, скомандовали: «По вагонам!», сказали, едем на Дальний Восток и привезли в Монголию. Не за долго до объявления войны милитаристской Японии я пошла в свой медпункт, по дороге попала под песчаную бурю. И меня засыпало песком. А в тех краях водилось много волков и шакалов. «Ну, вот на фронте я осталась живой, а здесь съедят меня волки», - со страхом подумала я. Услышала топот ног. Ну, думаю, это моя смерть пришла. Выглянула из-под плащ-палатки, а передо мной конь стоит, на нем статный красавец капитан А.А. Бондаренко восседает. Он сразу тронул мою душу. А потом, когда я служила в Порт-Артуре, он приехал ко мне и говорит: «Валя, у меня время в обрез, через два дня я уезжаю. Выходи за меня замуж». Я согласилась. Так В.К. Иванова стала носить фамилию мужа Бондаренко. Вместе с мужем они пять лет служили в Венгрии, а затем приехали в Челябинск, воспитали двух сыновей и четырех внуков. Мужа, Алексея Андреевича, уже нет в живых. Валентина Кирилловна бережно хранит свою красноармейскую книжку, в которой зарегистрирован их брак.

В Челябинске до выхода на пенсию. В.К. Бондаренко работала на Химико-фармацевтическом заводе стерилизатором. «Наш завод изготовлял прекрасные, дешевые, разнообразные лекарства. И ведь кому-то потребовалось в мирное время разорить этот завод,- с возмущением говорила она.- Если бы этот «кому-то» попытался разрушить завод в войну, мы бы его спустили в погреб и закидали гранатами, как ту старушку-предательницу». Сказав эти слова Валентина Кирилловна стала складывать в картонную шкатулку свои драгоценные реликвии: боевые награды, удостоверения к ним Красноармейскую книжку, справки о ранениях и пребывании в госпиталях. И еще два документа, первый- Благодарность Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина от 23 августа 1945 года за форсирование горного хребта Большой Хинган, преодоление безводных пустынь Монголии и освобождение Маньчжурии, а второй – Удостоверение победителя социалистического соревнования от 27 декабря 1974 года, подписанное министром медицинской промышленности и председателем ЦК профсоюза.

Закрыв шкатулку крышкой, она поставила ее на самое почетное место. Ведь в этой шкатулке хранится спрессованная в документах вся ее большая, героическая, красивая жизнь, которая длится уже 85 лет на радость ее детям, внукам и правнукам.

МИЧМАН ПИРОГОВ

Владимир Николаевич Пирогов с детства мечтал о море, в городской библиотеке перечитал все книги о моряках, о морских путешествиях и походах. Его кумирами были великие флотоводцы Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов и сказочный капитан Нэмо. Товарищи по комсомольской организации знали о его увлечении и поэтому не удивились, когда после окончания десятого класса челябинской школы № 36 в 1939 году узнали, что Володя по комсомольскому призыву уезжает во Владивосток учиться в Военно-Морское училище имени С.О. Макарова. В одном из своих писем с Дальнего Востока друзьям в Челябинск он писал: «Мои представления о море полностью подтвердились. Знали бы вы, как красив и могуч Тихий океан!»

В училище В.Н. Пирогов значился в числе наиболее способных курсантов, которых замполит называл будущим советского флота. Морскую практику проходил на эсминце «Сталин» и кораблях «Красный вымпел» и «Партизан». Капитан «Партизана» в разговоре с руководителем практики дал В.Н. Пирогову такую характеристику: «Этого курсанта хоть сейчас можно назначать командиром корабля»

Но началась война и учёба В.Н. Пирогова неожиданно прервалась. Часть курсантов, в которую попал и он, включили в Первую отдельную морскую бригаду особого назначения Тихоокеанского флота и бросили на фронт. Переквалифицировавшись из моряков в лыжники, курсанты в составе восьмитысячного соединения, выполняя специальное задание командования, совершили беспримерный, героический 600-километровый рейд по тылам врага на Орловщине зимой 1942-1943 годов. Крушили вражеские гарнизоны, взрывали коммуникации, вносили дезорганизацию в планы противника накануне Воронежско-Касторненской наступательной операции, закладывали успех в её осуществление.

Фронтвики утверждали, что линия фронта, возникшая на рубеже, вошедшем в историю как «Орловско-Курская дуга», об-

разовалась по следам боёв моряков-лыжников. Долгое время считалось, что всё соединение, участвовавшее в рейде, погибло. Об этом удивительном, малоизвестном подвиге лыжников-тихоокеанцев во главе с И.И. Понтяром лишь спустя годы в книге М.К. Секирина «Через всю войну» появились краткие сведения: «...бригада в конце декабря 1942 года, направляясь от Ельца через Ливны и Колпны, прорвав фронт у станции Возы, перешла дорогу Поныри - Золотухино. Очистив от врага сотни населённых пунктов и город Фатеж, ...моряки намеревались войти во взаимодействие с Дмитровско-Орловским партизанским отрядом, но были окружены танковой группировкой 9-й армии генерал-полковника Моделя. 21, 22, 23 февраля 1943 года шёл неравный кровопролитный бой у деревень Чувардино, Волобуево, Крупышино. Его исход был трагичен». Всего около сотни краснофлотцев остались в живых и среди них старшина 1 статьи В.Н. Пирогов, который рассказал нам следующее: «Был на исходе июль 1942 года. Над Владивостоком стояла тяжёлая, тропически влажная, штилевая погода. Строй курсантов двух морских училищ застыл, слушая приказ И.В. Сталина. В глубокой тишине отчётливо звучал хрипловатый голос командующего Тихоокеанским Военно-Морским флотом вице-адмирала И.С. Юмашева. Он зачитывал приказ Верховного Главнокомандующего №227, известный в истории как приказ «Ни шагу назад!». В этом единственном в своём роде историческом документе содержалась горькая и страшная правда. Правда, о том, что наши войска продолжают отступать. Уже идут бои на юге страны, на Дону. Враг рвётся к Волге, его танковые клинья нацелены на Сталинград.

В условиях, когда 70 миллионов советских людей оказались в оккупации, когда республики Прибалтики, Украина, Белоруссия, Крым, Кавказ и значительная территория России - в тылу врага, настала пора предпринять усилия на грани человеческих возможностей, чтобы остановить продвижение вражеских полчищ. Словами «Ни шагу назад!» заканчивался этот приказ. Он был зачитан без сокращений.

Через день со станции Вторая Речка с напутственными словами командующего флотом один за другим отбывали эшелоны тихоокеанцев на фронт. Вступив в смертельную схватку с врагом, в упорных боях удалось остановить продвижение немцев на Воронежском направлении. В ноябре 1942 года наша морская бригада вошла в прорыв у станции Возы и освободила целый ряд городов и

населённых пунктов Курской и Орловской областей. Точно по следу, моряков-лыжников в феврале - апреле 1943 года образовался северный фас Курской дуги с обороной противоборствующих сторон. Рейд целой бригады по тыловым объектам врага застал оккупантов врасплох. Но сняв с фронта воинские части, подтянув резервы, они начали теснить нас. Наши командиры проявили умение маневрировать, в нужный момент менять направление похода, и мы часто появлялись там, где враг, нас не ждал.

Но длительные переходы, метели и морозы изматывали бойцов. Услышав команду отдыхать, мы падали в снег, собирали в карманах крошки сухарей, чтобы хоть чуть-чуть утолить голод. А враг наращивал силы. Двигаться мы стали только ночью. Днём же даже за одиночным лыжником-краснофлотцем гонялись немецкие самолёты. Каждый боец нёс, кроме автомата ППШ, несколько круглых дисков, запас патронов и противотанковые гранаты. Для продуктов в вещмешках места не оставалось. У всех имелись финские ножи и широкие штыки от СВТ для рукопашной.

На тринадцатые сутки бригада пересекла дорогу Кромы – Дмитровск-Орловский, по которой в Орёл следовали свежие части и техника 9-й гитлеровской армии Моделя. Перерезать эту артерию, по замыслу и приказу ставки Верховного Главнокомандования, было нашей главной задачей. К этому времени вести бои стало особенно тяжело. Помощи ждать было не от кого. Слишком далеко забрели мы в тыл, а немцы о нас, вероятно, многое узнали.

За селом Чувардино комбриг отдал приказ занять круговую оборону, используя высоты, окопаться и стоять на смерть. С шоссе не сходить. Без приказа ни шагу назад. И закипело трёхсуточное сражение, свидетелями которого стали многие жители сёл Чувардино, Волобуево, Крупышино. До последней своей минуты комбриг руководил боем. Гитлеровцы бросили на нас самолёты и танки. Атаковали непрерывно и днём, и ночью. Мы же противопоставили им лишь автоматы, противотанковые гранаты да злость, и отвагу. Даже танки, уютяющие неглубокие окопы, не могли заставить моряков показать им свои спины. Моряки уходили в бессмертие лицом вперёд, подрывая гранатами себя и боевые машины врага.

Ещё через три дня самолёт-разведчик доставил приказ штаба 13-й армии о передаче позиций бригады полкам 211 стрелковой дивизии Брянского фронта, которая пробивалась сквозь снега и

метели на помощь морякам, а также о перемещении оставшихся в живых тихоокеанцев на рубежи, где к тому времени стабилизировался фронт. Выполняя приказ, комбриг пытался вывести из окружения оставшихся в живых моряков-лыжников. Сделал для этого всё, что мог, и погиб вместе с ними.

Отдавая дань светлой памяти героям - тихоокеанцам, жители двух десятков ближних и дальних деревень снесли останки воинов бригады в село Чувардино. Там они и лежат, все семь тысяч. И с ними их комбриг. К братской могиле в Чувардино каждый год вместе с птицами по весне собираются братишки-моряки, те очень и очень немногие, что остались в живых, чтоб вспомнить былое, положить цветы на холмы могил. Сюда приезжают семьи павших краснофлотцев, жёны, дети и внуки. Они будут приезжать всегда, ибо память о героях священна».

Начиная с конца 1942 года и до победы в мае 1945 года, В.Н. Пирогов прошёл с боями от Ельца до Праги в составе Воронежского, Брянского, Центрального, 1-го Украинского, 4-го Украинского фронтов в качестве санинструктора, комсорга миномётной роты, командира взвода разведки, командира взвода автоматчиков, комсорга батальона. На этом пути несколько раз ранен, контужен, перенёс сыпной тиф, лёгочное заболевание, О достойном вкладе в победу над фашизмом стойкого моряка красноречиво свидетельствуют его награды: ордена Красной Звезды, Славы 3 степени, Отечественной войны, две медали «За отвагу», две - «За боевые заслуги».

После окончания войны здоровье не позволило В.Н. Пирогову продолжить учёбу в училище. Он вернулся в Челябинск и посвятил дальнейшую свою жизнь самой благородной на земле профессии врача. Много учился. Защитил кандидатскую диссертацию, затем докторскую диссертацию и долгие годы являлся ведущим профессором Челябинского медицинского института. На флоте же помнили Владимира Николаевича. Командующий Краснознамённым Тихоокеанским флотом присвоил ему воинское звание мичман.

Ушёл из жизни фронтовик-профессор в декабре 1998 года. Родственники выполнили желание Владимира Николаевича, похоронив его в мундире мичмана Военно-Морского Флота, подчеркнув тем самым особую значимость периода его фронтовой жизни. А многочисленная плеяда медицинских работников - воспитанников Владимира Николаевича - продолжает его дело в различных

клиниках нашей страны, в том числе высококвалифицированные врачи – его дочь Елена Владимировна, внук Владимир Александрович и его супруга Нина Петровна.

НИГМАТУЛИНЫ

С марта 1945 года пятерых отличившихся в боях девушек-бойцов вызвали в политотдел 79-й стрелковой дивизии, располагавшийся в старенькой сельской церкви, поздравили их с Международным женским днем и в торжественной обстановке досрочно вручили партийные билеты. Возвращаясь обратно на свои позиции, две девушки погибли, а третья, младший сержант Юдина, выступила в дивизионной газете «Гвардейское знамя» с гневной статьей под названием «Я мечь свою несю в Берлин». Эта статья, призывающая красноармейцев отомстить за смерть своих товарищей и подруг, осталась в памяти ветеранов. Нередко и сейчас при встречах они вспоминают о ней. Автор этой статьи Александра Максимовна Нигматулина (Юдина) проживала в Челябинске, являлась председателем Совета ветеранов Калининского района, ее грудь украшали два ордена Отечественной войны, две медали «За отвагу», медали: «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другие, вызывавшие чувство особого уважения у каждого воина. За ее спиной большая интересная жизнь. Она воспитала двух сыновей, растут три внука и два правнука. Но ни с чем несравнимыми потрясениями для нее конечно же была война, о которой она рассказывала с высокой ответственностью, подчеркивая всеобщий патриотизм и сплоченность советского народа в смертельной схватке с врагом.

1. Сталинград

Первая бомба упала в Сталинграде на завод «Баррикады» 16 августа 1941 года на 2-й механический цех, то есть противник точно знал, что нужно вывести из строя на нашем заводе в первую очередь. А летом 1942 года, спасаясь от непрерывных бомбежек и артобстрелов, люди покидали город, шли к Волге в район оврагов, где почти в вертикальных земляных склонах выкапывали ниши на разных уровнях от земли и поселялись в них, как в больших ласточкиных гнездах. Но немец доставал их и там. 1 октября был

особенно сильный налет немецкой авиации. В этот день погибла вся моя семья: папа, мама и маленький сынишка, муж же еще раньше погиб на фронте. А 4 октября и я получила ранение. Думала, убили. Очнулась на носилках, когда меня пытались поместить на катер, отправляющийся на противоположный берег Волги. Капитан увидел, замахал руками, закричал: «Назад! Судно перегружено!» И меня вынесли обратно на берег. Вероятно, суждено было тогда остаться живой. Все три катера на середине реки немцы потопили.

3 февраля 1943 года, после госпиталя, возвращалась я с группой выздоравливающих бойцов по льду, через Волгу, обратно в Сталинград. Навстречу нам, как в кадрах кинохроники, плелись обгорелые, обмороженные пленные немцы, выпрашивающие кусочек хлеба или сухарик в обмен на зажигалку, зеркальце или перочинный нож.

В Сталинграде меня определили санинструктором в отдельный истребительный противотанковый дивизион. Отсюда двинулись мы на запад. На пути в Берлин я дважды была контужена и еще два раза ранена.

2. Фронтовые будни

Шел бой. Среди треска и грохота я услышала крик: «Шура, майора Большакова ранило!» Гляжу, на дне глубокой от авиабомбы воронки сидят наши ребята: автоматчик Саша Курекин, ему взрывом пятку на правой ноге оторвало, и майор Большаков из штаба — весь в крови. Я спустилась к ним.

— Шура, я кажется убит, — с ужасом в глазах сообщил мне майор. А в действительности на нем не оказалось ни одной царапины. Его просто обрызгало Сашинной кровью.

Оставив оконфузившегося майора одного, я потащила Курекина в медсанбат.

А потом вновь — на передовую.

Однажды в Белоруссии из расположения нашего полка пропали два солдата, мы их долго искали и нашли в лесу убитыми. Они лежали полураздетыми лицом вниз, на их спинах были вырезаны пятиконечные звезды. Сделали это бульбовцы — белорусские бендеровцы, ревностно служившие германскому фашизму. А кто такие фашисты — сейчас знают все. Мы же на фронте с их зло-

деяниями встречались постоянно, иногда с такими, которые трудно было понять и объяснить.

В небольшом немецком городке Рохлиц местный чиновник не успел вовремя эвакуироваться. Боясь возмездия и не желая сдаваться в плен русским, он перерезал бритвой горло своим: матери, жене, двум дочерям и сыну, а сам повесился. Когда мы вошли в его дом, заметили, что один маленький мальчик подает признаки жизни. Мы сделали все, чтобы спасти его. Где он сейчас — неизвестно.

Вот из таких непохожих друг на друга эпизодов складывалась фронтовая жизнь на пути к Победе.

3. Приметы

В марте 1945 года, когда на Одере еще держался лед, а войска готовились к новому большому наступлению, мы стали свидетелями необычного явления природы. Ближе к полуночи огненный столб, прямой как карандаш, взметнулся в поднебесье, а вокруг него образовалось свечение, напоминающее радугу. Это явление длилось часа три. Все наши автоматчики, разведчики и мы были потрясены увиденным, беспрестанно спрашивали друг друга: «Что это такое?» Но ответа не находили.

Утром местные жители-поляки уверяли нас в том, что это явление — верный признак скорой победы «Красного петуха». Такое объяснение нас радовало. Ведь на фронте мы верили в приметы и в хорошие, и в плохие. Как-то в Рейтвине зашли в покинутый хозяевами магазин. А в нем — шелковое женское белье, выбирай какое желаешь. Мы, не рассуждая, все облачились в шелка, а своими хлопчато-бумажными рубашками начистили сапоги, до блеска. И вдруг кто-то вспомнил:

— Девчата, ведь есть примета: тот, кто в чистом белье в бой пойдет, обязательно будет или убит, или ранен.

Это так на всех подействовало, что мы расстались с трофейным имуществом и вновь надели свои старые рубашки, к которым только что отнеслись так неуважительно. А вот избежать неприятностей в следующем бою многим из нас не удалось. Меня, например, взрывной волной забросило в небольшую речушку. Когда пришла в себя, вижу — через мост танки двигаются. Я же сижу по пояс в воде, передо мной плавают подол рубашки весь черный от сапожного

крема, а от ног моих лохмотья в разные стороны болтаются, а крови нет, наверное потому, что вода в речке солоноватая была.

В госпитале, когда мне делали операцию, я заметила, что на соседнем столе кому-то ампутуют ногу. Оказалось, что это нашему командиру полка Коневу. Совсем недавно я его контуженного вытаскивала из боя, за что мне дали медаль «За отвагу».

После операции я подошла к нему на двух костылях и говорю:

«Здравия желаю, товарищ гвардии полковник». — Он взглянул на меня, обрадовался:

Шура, да какой же я теперь начальник, — произнес он и тяжело вздохнул.

Я села к нему на кровать, на то место где у него должна была бы быть нога. Рассказала об обстановке в полку, о товарищах и последних боях. История о трофейном белье и приметах, несмотря на тяжелейшую травму, вызвала на его лице улыбку, он от души рассмеялся и говорит:

«Эх вы, а еще гвардейцы»

И нам обоим на душе стало чуть-чуть полегче.

4. Майор Нигматуллин

Где-то на пути к Висле разведчики говорят мне:

«Шура, посмотри, что это за «диверсанта» прислали к нам в полк?»

У штаба я увидела смуглого офицера в новеньком обмундировании, в фуражке с красным околышем. Это был Галей Бадреевич Нигматуллин, присланный в полк на место погибшего заместителя командира полка. Потом я узнала, что Нигматуллин родом из Кунашака, рос круглым сиротой, служил на Дальнем Востоке, к нам прибыл из запасного полка и еще ни разу не участвовал в боях.

А вот как воевал Галей Бадреевич говорит такой факт,: за 10 месяцев он получил один за другим 4 ордена Красного Знамени и совершил почти чудо, выведя из окружения попавший в засаду батальон. Его дважды представляли к званию Героя.

Как-то ординарец Алеша приходит к нам в санроту и говорит:

«Шура, тебя майор вызывает».

Я вошла к нему в землянку, доложила: «Товарищ гвардии майор, младший сержант Юдина по вашему приказанию прибыла». Он пригласил меня к столу и стал расспрашивать о родных и близ-

ких. Я рассказывала, он слушал. А потом неожиданно поделился со мной своими личными переживаниями. Когда я выходила от него, подумала: «А зачем он меня вызывал?». Через некоторое время Нигматуллин вновь вызывает меня и говорит: «Шура, я на пять дней в офицерский дом отдыха уезжаю, очень прошу: подожди меня».

Я опять ничего не поняла, подумала: «Это он, наверное, предчувствует, что его скоро убьют». Через три дня гляжу, а он уже в расположении полка. Спрашиваю:

— Товарищ гвардии майор, вы же должны в доме отдыха находиться.

А он подошел ко мне и со словами: «Шурочка, я не могу быть вдали от тебя» крепко обнял и поцеловал.

Где-то за палатками санбата с шумом и лязгом двигались танки. Над верхушками деревьев то и дело вспыхивали, словно молнии, сполохи огня, вероятно работала чья-то артиллерия. Время несло в неизвестность. Кто из нас останется в живых и дойдет до Победы, мы тогда еще не знали...

7 ноября 1944 года в штабной землянке прошло торжественное собрание, а на другой день построили полк и перед строем объявили нас с Нигматуллиным мужем и женой. По-настоящему же мы оформили брак после Победы, в Потсдаме. Приехали в загс, а там вся площадь занята легковыми автомашинами, на них приехали такие же, как мы, пары. Когда поставили в журнале свои подписи, обнялись и оба не смогли сдержать слезы.

На торжество пришел командарм В. И. Чуйков. Узнав, что Нигматуллин из Кунашака, заметил:

Да сколько же тебе лет-то было, когда я освобождал в гражданскую войну ваше село?

А кто-то из весельчаков поинтересовался:

— Где ты такую невесту нашел?

— Я не нашел, я ее завоевал, — ответил Нигматуллин.

Большой души и культуры был Галей Бадреевич. Он заполнил в моей жизни пустоту, образовавшуюся после гибели семьи в Сталинграде. Мы жили с ним в мире и согласии. После войны он продолжал службу в армии, окончил две академии, дослужился до полковника, был заместителем командира дивизии. Выйдя на пенсию, председательствовал в Совете ветеранов. Умер Г. Б. Нигматуллин скоропостижно в 1974 году. В поселке Кунашак названа

его именем одна из улиц. А я вот теперь председательствую за двоих, за себя и за него.

Так завершила свой рассказ Александра Максимовна. Она спешила на очередное заседание клуба «Боевые подруги», объединяющего таких же, как она, женщин-фронтовичек Челябинска, прошедших через огонь войны.

ВСПОМИНАЯ О ВОЙНЕ

Кто говорит, что на войне не страшно,
... тот ничего не знает о войне.

Друнина

Однажды, в канун Дня Советской Армии профком Челябинского металлургического завода организовал вечер-встречу ветеранов в малом банкетном зале Центрального клуба строителей. Хозяйка и учредительница встречи Мария Емельяновна Ковалева хлопотала возле самовара, а ветераны расположились возле горящего камина и ждали, когда придет их главный начальник — председатель комитета участников Великой Отечественной войны Металлургического района Федор Николаевич Брагин.

Воспользовавшись паузой, мы попросили участницу войны, бывшего медработника медсанчасти ЧМС Анну Ильиничну Васильеву поделиться своими воспоминаниями о войне. Подумав, она ответила: «Рассказывать о войне нелегко. Иногда после воспоминаний я, словно снова побывав в том пекле, вынуждена валерьянку принимать. Но рассказывать нужно, молодежь все должна знать о том времени». А на вопрос, что из ее памяти осталось наиболее запоминание о войне, не раздумывая, ответила: «Сталинград, бомбежка переправы и людская кровь, покрывавшая воды Волги». И, помолчав, рассказала: «Мы в те дни вывозили раненых из Сталинграда, с завода «Красный Октябрь». Выбирали момент, когда стихала бомбежка, и стремились на своем маленьком катере, с привязанной к корме лодкой, проскочить на тот берег. Принимали на борт до 30 раненых — и обратно. Чаще это делали ночью. Однажды вечером на середине реки встретилось нам много плывущих людей с разбитой и затонувшей баржи. И среди них я

увидела женщину с маленьким ребеночком, которая с трудом держалась на воде. Мы отвязали лодку. Катер пошел своим курсом, а я на лодке — на помощь этой женщине. И ведь совсем немного не успела. Снаряд разорвался прямо в гуще плывущих людей. Лодку мою подбросило, но не перевернуло. Женщины с ребенком на поверхности уже не было. За мою лодку хватались тонущие, обезумевшие от страха люди. Человекам десяти, зацепившимся за лодку, я помогла добраться тогда до берега.

Война застала меня девчонкой. В июне 1941 года я закончила в Харькове медшколу, а в сентябре этого же года немцы уже были под Харьковом. И мы собирали раненых на улице Змеевка. Наш командир Виноградов сказал, что скоро придут машины за ранеными, но машины так и не появились. В город вступили фашисты. Раненые, кто мог, ушли. А 30 тяжелораненых (в голову и живот) мы спрятали за мешками с песком, рассчитывая утром разместить их по квартирам. Но подъехали немецкие мотоциклисты и всех их расстреляли. Виноградов, солдат Иоффе, моя подружка Лиза и я стали думать, как выйти из окружения. Мы с Лизой пошли разведать, где в городе меньше немцев. Вышли на улицу Свердлова и увидели сидящего на земле, прислоненного к стене человека в наручниках и с забитым колом во рту. А на фасаде дома, почти на каждом балконе, висят повешенные. Руки у них связанные, лица искаженные, изо ртов высунуты языки. Я говорю Лизе: «Давай хоть кол-то изо рта вытащим». Но какой-то внутренний голос нам подсказывал: «Не останавливайтесь, уходите, это приманка».

Из Харькова мы вышли незамеченными. Прошли Белгород, затем деревни Игуменково, Малиновка, Шейное. В Мазикино нас задержали и хотели расстрелять как партизан. Спас староста деревни. Он сказал: «Я сам их расстреляю». Привел в дом, накормил, обогрел, рассказал, где находятся наши и как к ним идти. Но по пути мы сбились с дороги. Обессиленные, несколько дней ничего не евшие, увидели в поле скирды и легли в них умирать. Ночью нас случайно обнаружили разведчики. Они взвалили нас на плечи и принесли к своим.

4 июля 1942 года немец опять начал наступление. Колонны войск, гражданское население, табуны скота потянулись на восток. Казалось, что весь свет эвакуируется за Дон.

Мы два дня ехали на тракторе. Уже перед самым Доном тракторист предложил: «Иди подои корову, хоть молока напьемся». Я

взяла ведро и пошла. Коров там было много, выбирай любую. Но только я начала доить, как сзади разорвалась бомба. Я выскочила, гляжу, а на месте, где только что стоял трактор, — огромная яма.

Через Дон мы переправлялись на пароме. Людей скопилось много, все спешили на другой берег. Налетели немецкие самолеты и засыпали переправу бомбами. Оставшиеся в живых люди оказались в воде. Я вцепилась за рог плывущей коровы и с ней добралась до берега. На берег вышла, а на мне одежды никакой нет. Забежала в ближайшую контору. Там взяли со стола красный флаг и обмотали им меня. В таком наряде я прибыла в Сталинград, где меня зачислили в 94-ю стрелковую дивизию санинструктором. Как и все медики, работала с ранеными, не зная отдыха. В один из авианалетов получила первую контузию. Очнулась в госпитале № 04780. После выздоровления принимала раненых с Курской дуги. А затем — наступление на запад. В Виннице меня второй раз контузило.

Войну закончила в Берлине старшиной медслужбы. Как-то приехали на передовую за ранеными, а нам говорят: «Спасибо, девчата. Конец войне!» Ни рейхстага, ни Берлина я и не видела. Все время находилась с ранеными. И с санитарным поездом уехала на Родину. Приехала домой, а дома в живых одна мама осталась, все мои девять братьев погибли на фронте...» «Вот почему нам, ветеранам, трудно ворошить прошлое», — завершила она свой рассказ.

Мы смотрели на Анну Ильиничну и думали: «Сколько же силы в этой женщине, прошедшей через страшную войну и встречающую свою осень, сохранив и женское обаяние, и любовь к жизни». А в это время пришел председатель, и гостей пригласили к столу. После кратких речей М. Е. Ковалева от имени профкома поздравила ветеранов с праздником — Днем Советской Армии — и предложила им чай, конфеты и очень вкусные пироги.

КОМИССАР ЛЕТЯГИН

«До войны я работал инструктором промышленного отдела обкома ВКП(б). 22 июня 1941 года дежурил по обкому. Было воскресенье. Стояла жаркая погода. Все руководители разъехались на озера и реки. И вдруг приходит сообщение о нападении фа-

шистской Германии на СССР. Из районов звонят, спрашивают: «Что делать?». А я не знаю, что им отвечать. Прибежал 2-й секретарь обкома Л. И. Баранов, связался с Москвой. «Вскрывайте мобилизационный пакет и действуйте по указанному в нем плану», — ответили из Центрального комитета. С этого момента жизнь моя не шла, а мчалась. На третий день войны меня вызвали в военкомат и назначили ответственным за организацию эвакуационных пунктов и госпиталей в области. Дали кипу бумаг, сказали: «Разбирайся!».

Контора наша разместилась в железнодорожном клубе имени В. И. Ленина. Сюда стали прибывать врачи — все люди солидные. Я их построил, скомандовал: «На первый, второй рассчитайсь!». Избрали штаб этого учреждения. Через две недели развернули военный госпиталь (напротив старого цирка). Ночью встретили первый санитарный поезд и приняли первых раненых, среди которых мне особенно запомнился мальчик лет четырнадцати. Он попал под танк и был весь переломан. Невредимыми у него оставались только глаза. Забинтованный от ног до головы он походил на человека в мешке. Занимались мальчиком начальник госпиталя Оржеховская и главный хирург — светило медицины, настоящий чудотворец П. М. Тарасов, его именем названа одна из улиц города Челябинска. По существующим в то время правилам комиссар обязан был присутствовать при проведении сложных операций, поэтому я оказался свидетелем, как врачи буквально разобрали этого мальчика по косточкам, потом собрали вновь и зашили.

Примерно через месяц меня опять вызвали в военкомат и сообщили, что решением отдела кадров Уральского военного округа я назначен комиссаром учебного лыжного батальона, формирующегося в г. Кургане, в основном из числа юношей-спортсменов. Приезжаю в Курган, спрашиваю:

— Где батальон?

— В лесу. Люди уже прибывают, а размещать их негде.

Пошел в горком ВКП(б) к секретарям Ефимову и Корневу. Они помогли раздобыть 50 кубометров строевого леса, из него мы построили две землянки на 750 человек. Из Кыштыма получили 500 пар лыж. И без промедления по соломе вместо снега стали проводить занятия по лыжной подготовке. В октябре 1941 года из наших учебных подразделений был сформирован 145-й отдельный лыжный батальон, меня назначили комиссаром этого батальона и мы выехали на Калининский фронт. Оттуда нас перебросили на

Северо-Западный фронт, где развернулись бои под Старой Руссой. Однажды комдив дал задание лыжному батальону добыть «языка». Мои орлы проникли во вражескую траншею, ворвались в блиндаж, всех гитлеровцев перебили, а одного унтер-офицера захватили в плен, привязали к лыжам и покатали в обратный путь. Пленный стал кричать. Его ударили, но вероятно перестарались. Привезли пленного, развязали, а он мертв. Это была первая неудача.

17 апреля 1942 года, ведя бои на Ленинградском направлении, я получил ранение и навсегда потерял левую руку. Долечиваться приехал в Челябинский госпиталь, работу которого совсем недавно организовывал. И здесь среди выздоравливающих бойцов я увидел мальчика. Он взглянул на меня своими большими глазами, и я вздрогнул от неожиданности, узнав в нем «человека в мешке». Да, это был он. Мальчик уже выглядел бодро, по утрам делал зарядку. Вот только фамилию его я к сожалению не запомнил».

Эту историю рассказал Дмитрий Яковлевич Летагин в 2002 году, когда ему было уже 89 лет. После войны он находился на партийной и советской работе, окончил госпединститут и Высшую партийную школу, удостоен трех орденов Трудового Красного Знамени и двух орденов Отечественной войны. Он всегда являлся пропагандистом патриотических идей и советского образа жизни. И до конца жизни сохранял лучшие черты советского человека: бескорыстность, общительность, творческое отношение к делу, подчинение личных интересов общественным. После выхода на пенсию в 1986 году неоднократно избирался в президиум Челябинского областного совета ветеранов. В 1975 году участвовал в организации совета ветеранов Уральских лыжных батальонов, а с 1990 года возглавлял этот совет, всегда оставаясь комиссаром на своем месте.

ОГОНЕК

Слова М. Исаковского Музыка народная
(Из коллекции песен наших отцов и дедов)

На позиции девушка
Провожала бойца
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтальная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
«Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?»

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет.
Все, что было загадано,
Все исполниться в срок,-
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письма.
И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую Родину,
За родной огонек.

Содержание

Это нашей истории строки	3
Нам дороги эти позабыть нельзя	5
Военврач	9
Быть самим собой	16
Боевая подруга	19
Возвращение эскадры	21
На всякий случай	25
Санинструктор	28
Ветеран партии	30
Небоевые эпизоды войны	33
Заветная шкатулка	37
Мичман Пирогов	41
Нигматуллины	45
Вспоминая о войне	50
Комиссар Летягин	52
Огонек	55
Содержание	56

Попов Лев Алексеевич
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
(Вспоминают ветераны г. Челябинска)